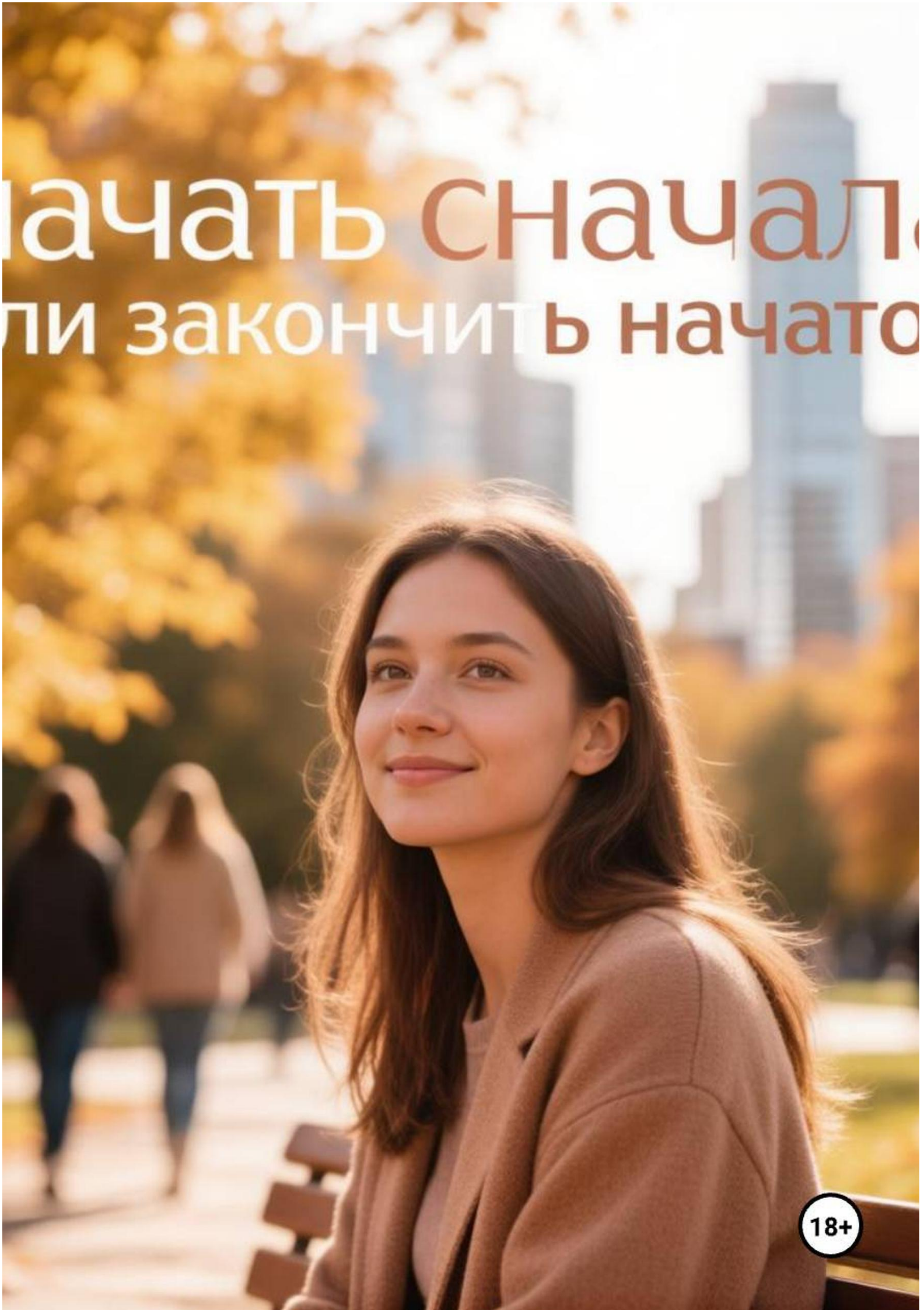
ачать сначала
ли закончить начато
18+

Ани Вебр

Начать заново (или) Закончить начатое

«Автор»
2026

Вебр А.

Начать заново (или) Закончить начатое / А. Вебр — «Автор», 2026

Встретив парня при странных обстоятельствах. Пытается помочь ему не попасть за решетку. Сама оказывается втянута в бандитские разборки. Сможет ли выбраться из них и остаться в живых.

© Вебр А., 2026
© Автор, 2026

Ани Вебр
Начать заново (или) Закончить начатое

ПРОЛОГ

«Жизнь коротка. Зачастую она не даёт шанса переиграть всё заново. Невозможно вернуться назад и начать с начала».

Многие задаются вопросом: «А что если? Вернуться бы назад и сделать другой выбор. Как бы тогда сложилась моя жизнь? Стала бы она лучше?». Одни люди хотели бы выбрать другую профессию. Другие жалеют, что в своё время побоялись переехать в другой город. Третьи вспоминают, с кем встречались в юности. Думают, как сложилось бы, выбери я себе другого спутника или спутницу жизни. Или же, наоборот, жалеют, что слишком рано появился штамп в паспорте. Может, наоборот, в молодости отказались от брака и остались в одиночестве к старости. Каждый человек мечтает отмотать всё назад и что-то исправить. Но ни у кого нет такой возможности.

Хотела бы она поменять что-то в своей жизни? В голове стали медленно проплывать картинки прошлого — словно выцветшие кадры старой киноплёнки, где каждый миг мерцал, обещая счастье, а оборачивался горьким уроком. Может, не пошла бы с подругой на дискотеку — это могло избавить меня от неприятностей и сожалений. Тремя годами позже обошла стороной парня со смазливой мордашкой. Она думала, что нравилась ему, а он её просто использовал. Тешил своё мужское самолюбие. Вот, наверное, и всё. Но это мелочи. Всего лишь незначительные ошибки.

Многие говорят: учиться нужно на чужих ошибках. Но это неправда. На чужих ошибках ты никогда не научишься. Научиться можно только на своих собственных ошибках. Когда жизнь даст тебе хорошую пощёчину, только тогда понимаешь, что этого делать не следовало. Но зачастую, если тебя не била жизнь, то ты ничему не научился. Каждый шаг делает нас теми, кто мы есть. Закаляет и делает сильнее. Только боль учит нас выживать и бороться за жизнь. Так что она бы не стала менять прошлое. Не было бы его — не была бы она такая, какая есть сейчас. Другое развитие событий взрастило бы совершенно другую девушку. И кто знает, справилась бы она с тем, с чем пришлось столкнуться сейчас. Не каждый человек может справиться с серьёзными жизненными трудностями. Люди, которые росли в «тепличных» условиях, могут сломаться перед трудностями.

«Я не позволю себе сломаться! Я должна быть сильной. Как бы ни хотелось забиться в угол, чтоб никто не видел меня», — думала Кира, и в её глазах, тёмных от воспоминаний, вспыхивал упрямый огонёк, будто отблеск далёкого костра, который не даёт тьме поглотить душу.

Что бы ни происходило в нашей жизни, самую большую боль и самую большую радость приносит вторая половинка. Потеря работы, жилья, нехватка денег — всё можно пережить и восстановить. Больше всего людей ломает именно любовь. Из-за неё люди чаще скатываются на дно или же уходят из жизни. Что бы кто ни говорил, но мужчина и женщина созданы друг для друга. Поодиночке каждый человек чувствует себя неполноценным. Каждый стремится иметь рядом того, кто поймёт и поддержит, кто обнимет и согреет. Всё в мире крутится вокруг любви. Ради неё хочется быть сильнее, покорять вершины и открывать новые горизонты. В некоторых случаях можно наступить себе на горло или засунуть свою гордость куда подальше, лишь бы не навредить любимому.

Если вы хоть раз любили, значит, прожили эту жизнь не зря. С разницей лишь в том, сумели ли удержать любовь. Если да, то вы счастливый человек. Если нет, то остаётся только

вспоминать, как были счастливы когда-то. Воспоминания дают силы жить дальше, а вперемешку с надеждой и мечтами дарят немного счастья в настоящем.

Именно это и даёт Кире сейчас силы жить и двигаться дальше. В груди у неё тихо тлел уголёк былого счастья, согревая в холодные минуты, когда казалось, что впереди — только серая бесконечность дней. И она шла вперёд, шаг за шагом, словно прокладывая тропу сквозь густой туман, зная, что где-то там, за пеленой, её ждёт рассвет.

ГЛАВА 1

Кира.

Девушка проснулась и взглянула на часы. Шесть утра. Только начинает светать. Вылезла из постели и отправилась на кухню. Налив стакан воды, выпила залпом и подошла к окну.

На небе появлялась светлая полоса. Солнце медленно встаёт, освещая горизонт. Лучи едва касались крыш дальних домов, окрашивая их в нежно-розовый, будто кто-то провёл широкой кистью по холсту неба. Улицы были пустынны и тихи — лишь где-то вдалеке прокричала первая птица, и её голос утонул в предрассветной дымке. Город ещё спал, не зная, что Кира уже стояла у окна, и прошлое###подступало к ней, как прилив к берегу.

Мысли уносят её в далёкий злополучный день. Летний тёплый субботний денёк. Она с родителями ехала на пикник. Отец вел машину, мама ему нежно улыбалась. Девушка сидела на заднем сиденье и слушала музыку через наушники. За окном проплывали бесконечные поля подсолнухов — золотые головы тяжело клонились к земле, будто кланялись летнему зною. В салоне пахло маминой духами и свежей выпечкой, которую она захватила в дорогу. Это был последний день, когда эта счастливая семья была вместе. Погода благоволила. Они играли в бадминтон, догонялки и просто валялись в траве. Воздух был напоён запахом разнотравья, мёда и нагретой земли. Лёгкий ветер трепал волосы, а в небе, не жалея синевы, плыли пушистые белые облака. Они были счастливы. Как говорят, если много смеяться, то скоро будешь плакать. В тот день семья очень много смеялась. Вот с того дня теперь Кира почти всегда плачет.

Солнце клонилось к закату, они собрались домой. Уставшие от активного отдыха, но очень счастливые. Небо на горизонте полыхало медью и пурпуром, и длинные тени от придорожных деревьев ложились на асфальт, словно чёрные пальцы. Ехав по загородной трассе, продолжали смеяться и строить планы на следующие выходные. Как говорится, хочешь рассмешить бога — расскажи ему о своих планах. Вот и их планам не суждено было сбыться.

Всё произошло как в замедленной съёмке. В глаза ударил яркий свет — резкий, ослепительный, будто кто-то вылил расплавленное серебро прямо на дорогу. Прикрывшись рукой, пыталась разглядеть дорогу. Отец резко нажал на тормоза, уводя машину вправо. Мама что-то закричала. Крик утонул в визге тормозов и скрежете металла. Как рассказали позже, водитель фуры уснул за рулём и выехал на встречную полосу движения. От этого ей не легче.

На обочине машину стало трясти и сильно заносить. Они слетели в кювет. Машина несколько раз перевернулась, прежде чем остановиться. Мир кружился — небо, земля, снова небо, куски стекла брызнули дождём осколков, и каждый блестел на солнце, как маленькая звезда, падающая в никуда. Ударившись головой, девушка потеряла сознание.

Очнулась уже в больнице. Белые стены, белый потолок, белый свет больничной лампы, въедающийся в глаза. Запах хлорки и чего-то стерильного, безжизненного — такого, каким пахнет конец. Уже там ей рассказали о том, что произошло. Она не пристегнулась ремнём безопасности, это спасло Кире жизнь. Пока машина кувыркалась, девушка вылетела через стекло. Сделав ещё несколько оборотов, Chevrolet Lanos остановился и загорелся. Родители погибли на месте. Кира же получила несколько ушибов и сотрясение мозга. Потеряв сознание, тело было расслаблено, и это спасло от переломов.

Так в свои семнадцать она осталась одна. Подумать, что делать дальше, шанса не было. За неё всё решили социальные службы. До совершеннолетия поместили в детский дом. Из родственников был только двоюродный дядя по отцовской линии, но брать Киру к себе он отказался.

Тогда ей казалось, что этот год был самым тяжёлым для девушки.

Родители были врачами. Мама терапевтом, а папа хирургом. Кира мечтала пойти по стопам родителей и стать врачом. Хотела быть оперирующим хирургом, как отец. На момент трагедии окончила первый курс медицинского института. Попав в детский дом, встал вопрос о её дальнейшей учёбе. Все воспитанники учились в ближайшем училище на поваров, швей, слесарей и маляров. Так как Кира училась на бюджетном, удалось отстоять своё право продолжать учиться в медицинском. Сложность была в том, что другие не принимали девушку. Кира выделялась из общей массы. Многие воспитывались в детском доме с младенчества или же попадали сюда в детстве. Она же оказалась здесь за год до выпуска, ещё и отказалась учиться вместе со всеми. Люди по своей натуре бывают очень жестоки, а дети из детского дома находятся вообще за гранью жестокости. Не имея любви родителей и защиты, с детства учатся выживать. Поэтому на Киру часто обрушивались нападки. Попытки избить, унизить, испортить личные вещи. В коридорах пахло казённым мылом и чужой бедой. Стены были выкрашены тусклой бледно-зелёной краской, на которой местами проступали следы от ударов и царапины — как шрамы на теле дома, давно переставшего быть домом. Имея сильный характер и желание выжить, давала отпор, насколько это было возможно. Жизнь казалась сущим адом. Благо терпеть оставалось недолго.

Выпуск из детского дома был сравним с выходом из тюрьмы. Выдохнув с облегчением, Кира отправилась в квартиру своих родителей. Даже не оглянувшись на ненавистное ей здание — серое, четырехэтажное, с потрескавшимся фасадом и выбитыми окнами в подвале, похожее на ulcer на теле города. Хотелось забыть этот год жизни как страшный сон. За всё время, проведённое там, так и не обрела подруг. От парней тоже держалась в стороне. Как бы прискорбно это ни звучало, но люди, воспитывавшиеся там с детства, редко добиваются чего-то в жизни. По большей части они становятся отбросами общества, неприспособленные к жизни, а с такими ей не по пути. Но они сыграли важную роль в жизни девушки. Отражая постоянные нападки, стала сильнее и уверенней в себе. Они изменили Киру и её отношение к жизни. Теперь она точно знала, чего хочет и уверена, что хватит сил этого добиться.

Были, конечно, и хорошие моменты. Сторож дядя Вася учил мальчишек ездить на своей старенькой «семёрке». Тогда Кира попросила научить и её. Этим мастерством она овладела быстро. Василий Петрович сказал, что у девушки талант, словно родилась с рулём в руках. Тогда она просто посмеялась. К слову, о рождении. Родилась, конечно, не с рулём в руках, но в машине. Её родители в молодости жили в маленьком доме за городом. И когда у мамы отошли воды, папа вёз её в больницу. Стараясь успеть, летел на большой скорости. Но Кира явно не желала ждать. Может, поэтому у неё тяга к большим скоростям.

Её самостоятельная жизнь началась с поисков работы. Устроившись в больницу санитаркой, где проходила практику. Впереди ещё несколько лет учёбы, но жить на что-то надо.

До окончания института жизнь била ключом. Зубрила учебники, работала по несколько смен подряд, чтоб хватало денег на еду и была возможность копить на мечту. Отучилась на права и изучала машины. Через два года купила подержанную «семёрку» тёмно-синего цвета. Так сказать, подарила себе на двадцатилетие. Ночами гоняла по окраинам города. Фонари мелькали за окном, как кадры старого кино, улицы ныряли в темноту и выныривали снова, а в салоне пахло бензином, кожей и свободой. Перечитав кучу литературы в интернете, научилась сама налаживать старенькие детали машины.

Спустя полтора года в одну из вечерних поездок увидела множество огней в стороне от основной дороги. Огни мерцали в темноте, как шальные звёзды, упавшие с неба и застряв-

шие в поле. Любопытство взяло верх, направилась туда. Подъехав ближе, заглушила мотор и стала наблюдать за происходящим с расстояния ста пятидесяти метров. Было около десятка машин. Разных марок и цветов. Около тридцати людей. Небольшими группками они увлечённо что-то обсуждали. По очереди подходили к одному человеку и что-то отдавали. Вскоре по одному человеку расселись по машинам. Остальные отступили в сторону. Одна девушка вышла перед машинами и подняла вверх какой-то флаг. Когда она резко опустила его, машины с визгом колес рванули с места. Запах жжёной резины поплыл в ночном воздухе, а гул моторов прокатился по полю и стих вдали, будто стая хищников сорвалась в погоню. Было похоже на гоночный заезд. Забыв о времени, продолжала наблюдать. Заезд окончился, кто-то выиграл. Они ещё какое-то время обменивались поздравлениями, рукопожатиями, потом стали разъезжаться. Не знает зачем, отправилась за парнем, которому в самом начале всё что-то отдавали. Время было позднее, но домой он не спешил. Подъехав к бару на окраине города, зашёл в него. Немного помедлив, отправилась следом. На круглой, бордовой вывеске светились огоньками буквы: «Стим» — прочитала она.

Распахнув двери, в нос ударил горький запах сигарет и алкоголя. Небольшое помещение с приглушённым светом. В несколько рядов стояли чёрные кожаные диванчики, потрёпанные годами, и массивные деревянные столы в тон. Высокая барная стойка в том же стиле. От сигаретного дыма видимость была как через туман. Где-то в углу тихо играл блюз — ленивый, тягучий, будто сам звук подёрнулся дымкой и полз по полу, как тень. Парень стоял у барной стойки и потягивал пиво из высокого стакана. Девушка пристроилась по соседству и заказала безалкогольное пиво.

— Тебе не кажется, что это место не для тебя? — с усмешкой первым заговорил парень, разглядывая её с ног до головы.

В таком месте она действительно впервые. Ещё и наряд неподходящий. Кира была одета в серые спортивные штаны и обычную лёгкую тёмно-зелёную футболку. Волосы были распущены, светло-каштановые, напоминающие молочный шоколад, слегка волнистые, доходили до плеч. Парень же напротив очень вписывался в основную массу. В тёмно-синих джинсах, белой футболке и короткой кожаной куртке. С коротко стриженными русыми волосами цвета пшеницы.

— А что, тут особый дресс-код? — вопросом на вопрос ответила Кира, оглядывая остальных.

— Оу, а ты не из робкого десятка, — усмехнулся парень. — Андрей. — протянул руку для знакомства.

— Кира. — без лишних слов пожала протянутую руку.

— И что же тебя привело в наши края, «Кира»? — спросил с любопытством, ещё раз оглядывая девушку.

Она быстро пыталась придумать, что ответить. Ну не говорить же ему правду, что следила за ним.

— Проезжала мимо, понравилась вывеска, решила заглянуть, — соврала, надеясь, что получилось убедительно.

— Не боишься одна по ночам посещать такие места? — Андрей продолжал насмехаться.

— С виду все выглядят прилично. И бояться меня жизнь давно разучила, — парировала, не отводя взгляда.

Они проговорили около часа. Девушка поинтересовалась, чем занимается Андрей. Немного рассказала о себе. Выяснила, что он программист, а гонки — это хобби и способ заработать немного больше.

Стала общаться с Андреем, он пару раз брал её на гонки. После чего призналась, что любит скорость и хотела бы поучаствовать. Он привёз её на место днём, протестировать трассу

и время прохождения. Остался доволен результатом и заявил, что у Киры все шансы побороться за победу, но не на её машине.

До окончания института оставалось полгода. До этого работать на постоянной основе она не могла, а значит и кредит на новую машину не дадут.

Эти полгода она посвятила интенсивным тренировкам на импровизированном треке. Приобретая новые навыки и оттачивая старые. Каждую ночь — одна и та же трасса: пыль, гравий под колёсами, метр за метром, поворот за поворотом, пока руки не запоминают каждое смещение руля, а ноги не чувствуют педаль лучше, чем собственное сердцебиение. Андрей подарил Кире шлем, чтоб в случае чего защитить голову в её старенькой «семёрке». Шлем был красивый угольно-чёрный с защитным стеклом. Такие носят те, кто гоняет на мотоциклах. Внутри он был обшит мягким материалом, и когда Кира надевала его, мир снаружи затихал, оставался лишь звук её дыхания и далёкий гул мотора — будто внутри раковины, где море никогда не стихает. Это был первый подарок не от родителей, и Кира приняла его с радостью. С Андреем они стали хорошими друзьями. Он говорил про неё: «пацанка». Кира не возражала, её всё устраивало.

По прошествии времени устроилась на работу. Стала начинающим хирургом, взяла кредит, что-то удалось скопить. Купила BMW M3 цвета серебристый металлик. Машина лежала на дороге, как отлитая из жидкого серебра — стремительная, нервная, с каждым нажатием педали отвечала рвущим нутро рыком, будто хищник, которого сдерживают на коротком поводке. Перед своим первым заездом волновалась. Хотелось громко заявить о себе и не облажаться. Купила чёрные обтягивающие штаны, чёрные кроссовки, кожаную куртку и чёрную водолазку. Хотелось не выделяться из их круга. Когда Кира приезжала с Андреем, была в своей обычной одежде, и мало кто обращал на неё внимание. Лишь немногие парни бросали любопытные взгляды. Сейчас же хотела, чтоб её запомнили. Будучи небольшого роста, всего лишь метр шестьдесят пять, со стройной фигуркой, имевшей округлости в нужных местах. С симпатичным личиком, маленьким носиком, зелёными, как два изумруда, глазами, обрамлёнными длинными густыми ресницами. Даже без макияжа имела успех у мужчин. Но того единственного так и не встретила, а размениваться на остальных не хотела. Хотела, как у родителей, — один раз и на всю жизнь.

Облачилась в новую одежду, взяла шлем и вышла из квартиры. Несмотря на новую машину, со шлемом она сроднилась. Считала, что он приносит удачу. Надевала не надевала, но всегда брала с собой.

Подъехав к месту, отметила, что большинство уже на месте, с интересом разглядывают её машину, так как видят впервые. Только Андрей знал, что это Кира. Раньше она приезжала с ним на его авто и лишь днём без лишних глаз тренировалась на своём. Сделав глубокий вдох, потом выдох, успокоила нервную дрожь и грациозно, словно кошка, вышла из машины. Подошла к Андрею. Обнявшись в знак приветствия, протянула ему десять тысяч, делая ставку. Вскоре стали подходить и другие, делая ставки и интересуясь, что происходит.

Когда Андрей объявил об участии Киры в заезде, присутствующие девушки скептически фыркали: «Куда ей с парнями тягаться». Парни же откровенно смеялись, не видя в ней сильного соперника. От этого девушка ещё больше нервничала, считая, что зря всё затеяла. Андрей подошёл и дружески похлопал по плечу.

— Успокойся. У тебя все шансы победить, кто бы что ни говорил. Если приедешь в первой пятёрке, они изменят своё мнение, ну а если победишь, то утрёшь им всем нос, — заглянув ей в глаза, парень продолжил. — Я поставил на тебя. Так что не подведи меня! — широко улыбнулся, оголяя белоснежные зубы. — Я уже распланировал, куда потратить куш.

— Я буду стараться, — улыбнулась в ответ.

Если в неё верит друг, она обязана оправдать доверие.

Все расселись по машинам. Старт был дан, и адреналин захлестнул с головой. Для Киры весь заезд слился в неясное пятно. Мир за стеклом превратился в полосы света — белые, красные, жёлтые, все слились в один длинный мазок, нанесённый лихорадочной рукой. Мотор выл, перекрывая стук сердца, а руки на руле жили своей жизнью, подчиняясь не разуму, а чему-то глубинному, звериному, что знало дорогу лучше, чем она сама. Все, о чём она могла думать, это не разбиться самой и не помочь в этом кому-то другому. Следя исключительно за дорогой, ловко входила в повороты, почти не сбрасывая скорость. Финишировав, остановилась только метров через тридцать, так как не сразу поняла, что взмах флага означал конец заезда. Выходить из машины не хотела, потому что не поняла, какой по счёту приехала. Переведя дыхание, оглянулась назад — все машины стояли на финише, к ним уже приближалась толпа. Сдав назад, всё же вышла, готовясь принять поражение. Каково же было её удивление, когда Андрюха подхватил её на руки и стал кружить.

— Ты лучшая! Я в тебе не ошибся! В честь победы приглашаю тебя в наш бар! — с восторгом кричал парень.

— Я что, пришла первой? — всё ещё не веря, спросила Кира.

— А ты что, этого не заметила? — улыбаясь, произнёс Андрей.

— Всё было словно в тумане, — растерянно ответила девушка. — Я видела только дорогу.

— Поехали в бар, я всё подробно расскажу, — парень аж пританцовывал от радости.

Так началась её карьера гонщицы. Спустя время парни её стали уважать, и уже никто не смеялся над ней. В клинике, где Кира работала, тоже всё шло как по маслу. Опыта становилось больше, и ей стали доверять серьёзные операции. Днём она спасала жизни в белых стенах больницы, где пахло антисептиком и надеждой, где каждый надрез скальпеля был точным и выверенным, словно линия на гоночной трассе. А ночами была королевой дорог — ветер, рёв мотора и темнота, в которой горели только фары и чужие надежды.

Так потихоньку протекала её бурная жизнь до сегодняшнего утра.

ГЛАВА 2

Кира.

Её мысли нарушил закипевший чайник. Свист — тонкий, нарастающий — пробился сквозь воспоминания, словно кто-то резко дёрнул занавеску на сцене, где ещё шла пьеса. Оторвав взгляд от горизонта, Кира налила в кружку кипяток и всыпала растворимый кофе, пару ложек сахара и присела за стол. Горячий пар поднялся к лицу, и она подставила ладони, согревая их о стенки кружки. За окном город медленно просыпался: гуднул первый троллейбус, хлопнула дверь подъезда напротив, где-то залаяла собака.

«Почему именно сегодня? — крутилось у неё в голове. — За всё время авария мне ни разу не снилась, так почему приснилась сегодня. У меня сегодня гонка, вроде ничем не отличающаяся от предыдущих. Но на душе после ночного кошмара неспокойно».

Рабочий день начался нормально. Было две запланированные операции. Прошли удачно, в штатном режиме. Скальпель, зажим, отсос — привычный ритм, под который мысли уплывают куда-то далеко, а руки делают то, что должны. На обеденном перерыве поболтала с медицинскими сёстрами. В больнице они единственные, кто был её возраста. Все врачи были гораздо старше, и общих тем для разговора, помимо работы, не было. С одной из медсестёр Кира даже подружилась. Алиса тоже мечтала стать врачом, но её запала хватило только, чтоб выучиться на медсестру. В принципе она была довольна, меньше ответственности за жизни людей, её это устраивало. В перерывах они сидели в маленькой комнатке на первом этаже, где пахло растворимым кофе и больничными халатами, и Алиса рассказывала о своём коте,

который научился открывать холодильник, — и Кира на минуту забывала, что за стеной кто-то борется за жизнь, а кто-то уже проиграл.

Вторая половина дня ничем не отличалась от первой. В восемь вечера смена была окончена, и Кира, переодевшись, собралась домой. Коридор больницы в этот час был тих и пуст — лишь дневной свет из окон тускнел на кафельном полу, превращаясь из золотистого в серый. Уже в холле больницы сдала ключ от кабинета на ресепшене, повернулась к выходу. Двери вдруг резко распахнулись, и врачи скорой помощи вкатили две каталки с лежащими на них мужчинами среднего возраста с огнестрельными ранениями. Для Нижнего Новгорода не самая рядовая ситуация. Девушка застыла на месте — состояние мужчин были критическими, и одна ночная бригада вряд ли успеет прооперировать двоих. Главврач Илья Семёнович окликнул Киру.

— Черникова! Хорошо, что не ушла, переодевайся, будешь ассистировать.

Забрав ключ от кабинета, она побежала переодеваться. Натягивая хирургический костюм, Кира чувствовала, как по телу прокатилась холодная волна — не страх, а то самое предчувствие, которое не отпускало с самого утра. В первой операционной ночная бригада оперировала того, у которого было больше шансов на жизнь. Во второй Кира с Ильёй Семёновичем боролись за жизнь второго.

Мужчин привезли с загородной трассы. Они были водителями фуры. Везли вроде технику, их машину расстреляли прямо на трассе. У каждого было около трёх ранений. Только у того, которого оперировала Кира, большая часть пришлась в область сердца. Пробито левое лёгкое, и одна пуля прошла в сантиметре от сердца. Кровотечение удалось остановить и максимально быстро извлечь пули. Но мужчина впал в кому. Выйдя из операционного блока, девушка прислонилась к стене и стянула шапочку. Волосы прилипли ко лбу, руки всё ещё мелко дрожали — не от усталости, от адреналина, который ещё не нашёл выхода. Первый операционный блок был пуст. Пациент умер на операционном столе спустя полчаса. В подавленном настроении от случившегося она быстро приняла душ и отправилась домой. Через двадцать минут должна была начаться гонка, а Кира только вышла из больницы. Ночной воздух ударил в лицо, и она вдохнула его жадно, как ныряльщик, вырвавшийся из глубины.

Быстро доехав до дома, девушка переоделась и, вдавливая педаль газа в пол, рванула за город. Фонари мелькали за окном — один, второй, третий, — сливаясь в сплошную светящуюся линию. Заезд уже хотели начать, когда она на бешеной скорости подъехала к старту. Подбежала к Андрею и протянула ставку.

— Прости, опоздала, — начала оправдываться Кира. — Привезли раненых, пришлось срочно оперировать, даже поесть не успела.

— Всё нормально, Кирюх, — успокоил Андрей. — Я слышал, обстреляли фуру в десяти километрах отсюда. Поговаривают, из-за товара.

— Да, так и есть. Один умер, второй в коме, — рассказала как есть.

— Ладно, потом обсудим, беги в машину, — сказал, похлопав по плечу.

Девушка быстро запрыгнула в свою машину. Успела мельком окинуть взглядом остальные, оценивая соперников. Была только одна незнакомая машина — тёмная, низкая, с тонированными стёклами, стоявшая чуть в стороне, будто чужак на чужом пиру.

Старт дан, и Кира быстро вырвалась вперёд. Только новый участник не отставал. Они ехали почти вровень — два силуэта в ночи, разделённые лишь дрожащей полосой воздуха между бамперами. До финиша оставалось пара поворотов. На одном из которых новичок нагло подрезал Киру. Чтобы уйти от столкновения, девушке пришлось чуть сбавить скорость и прижаться к обочине. Машину начало заносить. В попытке вернуть себе управление плавно крутанула руль в противоположную сторону и отпустила педаль газа, дав машине замедлить ход. От маневра машину крутануло, и, вдавив педаль тормоза в пол, помогая себе рулём, немного

поворачивая им то влево, то вправо, она остановила машину поперёк дороги с визгом шин. Запах жжёной резины повис в ночном воздухе.

— Вот говнюк! — со злостью сказала Кира, ударив по рулю двумя руками.

Объезжая её, мимо пролетали остальные участники гонки. Сделав глубокий вдох, потом выдох, она завела машину и подъехала к финишу. Где Андрей уже избивал победителя.

— Ты что, мудак, сделал?! — орал в бешенстве Андрюха. — У нас тут существуют определённые правила! — вновь пнул лежащего на земле парня.

Правила действительно существовали. Можно было прижиматься и немного пугать, что подрежешь. Но никогда в наглую поперёк полосы никто не лез. Все хотели вернуться домой живыми и не нарушали установленных правил. Остальные парни стали подтягиваться к месту стычки, окружая плотным кольцом, выкрикивая ругательства в сторону горе-гонщика. Оказалось, пока Кира пыталась совладать с машиной, две других, которые шли за ней почти вплотную, чудом избежали столкновения. Это были тачки Михаила и Алексея. У остальных было больше времени оценить обстановку перед манёвром. Кира подошла и протиснулась в круг.

— Андрюх, завязывай, — обратилась она к другу. — Хватит с него. Будет мне уроком на будущее.

— Так это всё из-за бабы? — отплёвываясь кровью, прохрипел парень.

— Причём тут баба? Радуйся, что не меня подрезал, — гневно заговорил Леха. — Я бы тебя так разукрасил, что ты к этой самой бабе на операционный стол попал бы!

— Всё, хватит устраивать разборки, — вновь заговорила Кира. — Я домой, устала сегодня. Не надо было вообще участвовать в заезде. Подвести кого-нибудь? — спросила и повела взглядом по толпе. Желающих не нашлось. Андрей сегодня был на своей машине. — Ну тогда увидимся. Андрюх, напишешь, когда следующий заезд.

Парень кивнул, и Кира пошла к машине. Проехав около километра, навстречу пролетело несколько полицейских машин с включёнными мигалками. Синие и красные вспышки разорвали темноту, словно кто-то стрелял из неба###ами.

— Да неужели они не успокоились! — возмутилась девушка вслух и стала разворачиваться обратно.

Доехав до нужного места, сбавила скорость. Полиции не видать. Машины друзей стояли с выключенными фарами. Освещения тут не было — только лунный свет едва серебрил крыши машин, заставляя их казаться призраками, замершими в ожидании. И с трассы, если не приглядываться, не заметно, что кто-то тут есть. Сворачивать не стала, чтоб не привлекать внимания к этому месту — вдруг полиция где-то рядом. Решила проехать подальше и развернуться. Увидев знак, что вскоре будет поворот, сбавила скорость. Свернув, развернула машину и остановилась. Тишина давила. Ни фонарей, ни домов — только тёмные силуэты деревьев по обочине, и где-то в кронах тихо шуршал ветер, будто шептал что-то самому себе.

— Какого я вообще решила вернуться? — задавалась вопросом вслух, осматриваясь. Чуть дальше по трассе виднелись проблесковые маячки полицейских машин. — За друзей переживала. Они не маленькие, сами бы разобрались.

Повернув ключ в замке зажигания, решила уехать. Не хотелось объясняться с полицией, что она тут забыла в такое время. Тем более в день перестрелки на этой самой трассе. Почти два часа ночи, а завтра на работу. Перед машиной что-то промелькнуло — тень, быстрая, бесшумная, как кошка, — и тут же открылась водительская дверь. Вздрогнув, Кира повернулась. Перед ней стоял парень. Весь в чёрном, с пистолетом в руке, направленным на неё. Высокий, спортивного телосложения, с угольно-чёрными волосами и шрамом на скуле. Лицо было симпатичным: прямой нос, ровные и симметричные черты лица, лёгкая щетина. Шрам его нисколько не портил — скорее наоборот, добавлял чему-то слишком гладкому и правильному опасную остроту, как трещина на древнегреческой статуе. На вид парню чуть за тридцать. Минуту они разглядывали друг друга. Кира не ожидала увидеть ночью на трассе человека, да ещё и с ору-

жием. Что, несомненно, её пугало. Парень, скорее всего, не ожидал увидеть молодую девушку. Его глаза — тёмные, почти чёрные — на секунду расширились, словно он увидел нечто, чего никак не мог ожидать.

— Выходи из машины, — заговорил он твёрдым бархатным голосом.

— Нет, — от шока выдала Кира.

— Выходи, я сказал, иначе пристрелю, — со злостью и сталью в голосе повторил парень.

— Тогда стреляй, — дрожащим голосом заговорила девушка. — Я не могу остаться без машины. Я ещё кредит за неё не выплатила. Лучше умереть, — протараторила Кира, в конце перейдя на жалобный писк.

— Хорошо, — с секундным колебанием согласился он. — Тогда подбросишь меня до города. Только без глупостей.

Он обошёл машину, держа девушку на прицеле, и сел на пассажирское кресло. Кожаное сиденье скрипнуло под его весом, и в салоне стало тесно — его присутствие заполнило всё пространство, словно кто-то открыл окно в морозную ночь.

— Поехали только… — заговорил парень, когда Кира включила фары. — Выключи! — гаркнул он и сам быстро потянулся выключать, чем напугал девушку. — Быстро трогай! — приказал, оглядываясь в сторону полицейских машин.

Кира всё же поехала, думая при этом: какая же она дура, что не вышла из машины. Она видела его лицо, он всё равно её пристрелит, а возможно ещё и изнасилует.

— Заметили, блядь! — выругался он. — Жми как можно сильнее. Если нас поймают, скажу, что мы сообщники. Сядем вместе. — Он окинул её оценивающим взглядом. — Надеюсь, что ты водишь неплохо, — с надеждой в голосе добавил он.

Кира вдавила педаль газа в пол. Не желая быть арестованной. Ему могут поверить. Ночью на дороге, вся в чёрном, — чем не сообщница. Зато с водителем ему действительно повезло, он не знает, что на свою удачу встретил «королеву дорог». Мотор взвыл, вдавливая её в спинку сиденья, а тёмная трасса понеслась навстречу — чёрная лента, на которую кто-то нанизывал редкие блики далёких фонарей.

— А куда ехать? — осведомилась девушка.

— Пока не знаю, сначала надо оторваться от ментов, — парировал он.

По трассе они летели под двести километров. Мужчина нервно поглядывал на спидометр. Стрелка дрожала у красной отметки, и в свете приборной панели его лицо казалось ещё напряжённее — ни тени спокойствия, только сжатые челюсти и бегающий взгляд в зеркало заднего вида. Кира, заметив его реакцию, на время перестала бояться и в душе даже посмеивалась. На удивление полиция не сильно отставала. Вспомнив, что на трассу, где они гоняли, есть съезд с этой стороны, решила пойти ва-банк. Если все машины съедут за ними, у них будет шанс оторваться. Так как на крутых поворотах этой трассы Кира проходит больше сотни. Вряд ли они смогут также. Резко сбавив скорость и свернув, включила фары, чтоб их точно заметили.

— Ты что делаешь?! — взъерепенился бандит, тыча ей в бок пистолетом.

— Не мешай! — крикнула она. — Иначе разобьёмся.

Весь полицейский эскорт двинулся за ними. Заехав на трек, Кира выключила фары и ткнула пальцем в магнитолу, вновь набирая скорость. Темнота сомкнулась вокруг машины, будто океан, в котором фары — два луча фонарика, а трасса — узкая нить, которую можно нащупать только кончиками пальцев. По салону разлилась музыка, заиграла её любимая песня «Марина Бриз — Выше голову», под эту песню Кира обычно и проезжала этот участок до выезда на трассу. С выключенными фарами тяжело ориентироваться на извилистой дороге, но под эту песню она могла ехать с закрытыми глазами. Помня, на каких словах какой поворот. Каждый изгиб дороги был вплетён в мелодию, как нить в ткань — и тело знало их раньше, чем разум успевал подумать. Стрелка спидометра ползла вверх, а Кира улыбалась — впервые за

этот бесконечный день — потому что здесь, в темноте, на незнакомой дороге, с незнакомым человеком и пистолетом у ребра, она наконец чувствовала себя дома.

Выше каблук, глубже декольте,

Не для того, чтоб нравиться тебе.

Не для тебя, эта красота,

Больше не та, она уже не та.

Взгляд неприступный, не подходи,

Если не знаешь, что ждет впереди.

Никаких игр, только серьезно,

Просто так, больше невозможно.
Выше голову и пошла,

Кому достанется такая красота.

Ты так старался, научил,

С небес на землю ловко опустил.

Выше голову и вперед,

Кто растопит теперь этот лёд.

Глупый такой, не разглядел,

В ней было всё, что ты так хотел.
Короче платье, ярче макияж,

На грани фола весь эпатаж.

Ни для кого, для себя любимой,

И для всех, такой недостижимой.

Глаза горят, смотрю, не ожидал,

Знай любимый, кого потерял.

А мне плевать, пора веселиться,

Время пришло самоутвердиться.

Вокруг кромешная тьма — дороги почти не видно, только сзади светят фары полицейских машин. Два белых луча метались в зеркале заднего вида, как глаза хищника, выслеживающего добычу в ночи. Деревья по обочинам мелькали чёрными столбами, и казалось, что трасса — это горло туннеля, в котором они летят, не видя ни конца ни края. Разогнавшись до ста пятидесяти, парень стал быстро пристёгиваться. Что снова позабавило Киру. Резко сбавляя скорость и входя в повороты, затем снова набирая. Машина кренилась, визжала резиной, и каждый поворот был как выдох — на мгновение мир замирал, а потом снова срывался в бешеный бег. Краем глаза замечала, как бледнеет её пассажир. Он даже перестал целиться в неё и крепко схватился за дверную ручку. Костяшки пальцев побелели, а лицо сделалось серым, словно у него — не у неё — сейчас случится что-то необратимое. Половина пути была позади, и эскорт изрядно отстал. К концу пути их разделяло почти два километра. Резко свернув на трассу, девушка разогналась до двухсот. Стрелка спидометра дрогнула и поползла вверх, мотор взвыл, переходя на предельную ноту, и дорога Ahead превратилась в сплошную тёмную полосу, по которой машину несло, как щепку по горной реке. Бандит немного оживился и стал оглядываться.

— Ты кто на хрен ТАКАЯ?! — выделил он последнее слово.

— Просто гоняю на том треке пару раз в неделю, — спокойно объяснила девушка.

Въехав в город, сбавила скорость и включила фары. Фонари и витрины магазинов поплыли за окном — тёплые, оранжевые, мирные, будто и не было ни погони, ни тьмы, ни пистолета у ребра. Полиции видно не было.

— Где тебя высадить? — поинтересовалась, уже не ощущая страха перед попутчиком.

— Ты же понимаешь, что ты меня видела, и я не могу тебя отпустить, — вопросом на вопрос ответил парень. — Так что поехали к тебе.

— Думаешь, когда я приведу тебя к себе домой, то забуду, как ты выглядишь? — усмехнулась она. — Может, я живу не одна.

— Так стоп. Дай подумать, куда нам поехать, — мужчина задумался, постукивая пальцами по панели.

Парень был сосредоточен. Бледность с лица не проходила, а лишь усиливалась. На лбу даже выступила испарина — мелкие капли блестели в свете фонарей, пробивавших салон сквозь тонировку, словно роса на камне. Было видно: он сильно измучен, а идти ему некуда. Кира, как истинному врачу, стало его немного жаль. К тому же, поразмыслив, пришла к выводу, что на своей территории гораздо спокойнее.

— Ладно, расслабься, так и быть, поедем ко мне, — вполне спокойным голосом заговорила Кира. Парень её уже почти не пугал. — Только прекрати тыкать в меня пистолетом, а лучше спрячь его, пока ещё кто-нибудь не увидел. Не хочу собрать у себя дома «цыганский табор». Я не буду убегать и орать, а ты в свою очередь будешь вести себя нормально.

— Хорошо, — на удивление быстро согласился мужчина.

Вид у него был крайне измотанный. Припарковав машину у подъезда, Кира повернулась к своему новому знакомому — глаза у него были прикрыты, и на мгновение показалось, что он уснул. Тени залегли под его скулами, делая лицо острее, суше, старше, и шрам на щеке в уличном свете казался глубже, будто свежее.

— Приехали, — нарушила тишину Кира, и парень встрепенулся.

Они поднялись в квартиру. Быстро скинув кроссовки, девушка скрылась в глубине квартиры. Разувшись, парень пошёл следом. Его шаги были тяжёлыми и неровными — то ли от усталости, то ли от боли, которую он пока не показывал. Квартира встретила их тёплым светом и запахом чего-то домашнего, что Кира не успела выветрить перед отъездом.

— Я Кира. А тебя как зовут? — спросила девушка, услышав, как парень присел на стул у стола на кухне. Не смотря в его сторону, продолжая разогревать ужин.

— Евгений, — ответил после минутного молчания.

— Есть будешь, Евгений? — спросила она, назвав его полным именем.

— Да, если можно, — голос стал тихим и отрешённым.

Поставив на стол две тарелки жареной картошки, две кружки чая, столовые приборы, достала из холодильника вазочку с витаминным салатом и села напротив. Пар от жареной картошки поднимался к лампе, и кухня вдруг стала похожа на маленький островок нормальности посреди бесконечной безумной ночи.

— Приятного аппетита. — Женя лишь кивнул в ответ и стал жадно поглощать содержимое тарелки. Ел так, словно не видел еды несколько дней, — торопливо, не поднимая глаз, обжигаясь и всё равно отправляя в рот кусок за куском.

Когда с едой было покончено, Кира предложила Евгению принять душ, на что он быстро согласился.

— Ванна там, — махнула она рукой в нужном направлении. — Сейчас принесу полотенце.

Девушка ушла в спальню. Достав из комода два чистых полотенца, вышла в гостиную. Парня там не оказалось. Кира прошла к ванной — дверь была приоткрыта, и из-за неё лился тусклый свет и пар. Женя стоял с голым торсом, спиной к двери, и что-то делал. Мышцы на его спине были напряжены, и Кира заметила, как он слегка покачнулся, словно удерживая равновесие стоило ему последних сил. Девушка решила, что может войти и отдать полотенца. Открыла дверь шире и зашла.

— Вот, возьми, — протянула руку, отдавая ношу, а парень повернулся.

Протянув правую руку к девушке, левой он прижимал какую-то окровавленную тряпку к своему боку. Ткань была тёмно-бардовой, пропитанной насквозь, и капли, срываясь с её края, оставляли на кафеле маленькие красные точки — будто кто-то ставил точки в конце предложения, которое никак не мог закончить. Быстро окинув его взглядом, Кира осознала, что парень ранен.

— Ты ранен, — то ли спросила, то ли утверждала.

— Ничего серьёзного, пустяки, — отмахнулся он.

— Дай я посмотрю. — Евгений не успел и рта открыть, как Кира уже убирала тряпку в сторону. — Черт, черт, черт… этого просто не может быть, — стала причитать она. Рана была глубокой, рваной, и кровь всё ещё сочилась, тёмная и густая, не пульсирующая — значит, крупный сосуд не задет, но времени терять нельзя.

— Не страшно, — пытался успокоить её Женя. — Сейчас перевяжу, и всё скоро заживёт.

— Ты сейчас серьёзно эту чушь несёшь или чтоб меня успокоить? — вспылила девушка. — Пойдём со мной. — Взяв его за руку, потянула в гостиную. Его ладонь была холодной и влажной, и Кира почувствовала, как под кожей мелко дрожат мышцы — тело уже начинало сдаваться, даже если хозяин отказывался это признавать. — Ложись на диван, я сейчас.

Кира быстрым шагом прошлась по спальне и собрала всё необходимое. После прохождения практики у неё остался чемоданчик первой помощи, который заставили купить. Тогда она очень не хотела тратить деньги на принадлежности, которые и так есть в больнице, но это был своего рода экзамен на знание всего необходимого для хирурга. Теперь он был как нельзя кстати. Вытащив ещё пару простеньких полотенец и домашнюю аптечку, собранную из лекарств, которые не купишь без рецепта, вернулась в гостиную. Окинув взглядом девушку со странным кейсом в руках — он не был оранжевым, как в машинах скорой помощи, чемоданчик был серым, — парень спросил.

— Что ты собираешься делать? — в голосе чувствовалось напряжение и недоверие.

— А ты как думаешь? Достать пулю и зашить рану. Будем надеяться, что ничего важного не задето.

— Ты хоть раз это делала раньше? Твоё спокойствие меня пугает, — он нервничал с каждой секундой всё больше.

— Делала. Последний раз шесть часов назад, — усмехнулась она, раскладывая всё необходимое.

— В смысле? — приподнялся на локте парень, морщась от боли.

— Я хирург, — ответила, укладывая его обратно и открывая чемоданчик.

— Этого не может быть! — воскликнул парень. — Ну, не могло же мне так повезти?

— Тебе не знаю, а вот за что мне такое везение? Наркоз? — она достала ампулу. — Есть аллергии на лекарства?

— Нет. Но наркоз не надо, я должен быть в сознании, — ответил строго.

— Думаешь, я усыплю тебя и распотрошю в собственной квартире? — удивлённо спросила она.

— Нет, но полицию вызвать можешь, — парировал тут же.

— Ну хорошо, дело твоё, — пожала она плечами.

Достала другую ампулу и набрала шприц, только собралась уколоть у места ранения, как парень схватил её за руку. Пальцы его сжались на запястье, как тиски, и Кира почувствовала, как его пульс — частый, рваный — бьётся под кожей, словно пойманная птица.

— Я же сказал: без наркоза, — сквозь зубы процедил он.

— Больно. Руку отпусти, — прошипела девушка. — Это местный наркоз, новокаин.

Евгений отпустил девушку. Сделав укол, Кира разложила приборы на полотенце рядом с собой. Твёрдой рукой сделала надрез скальпелем. Лезвие блеснуло в свете лампы — холодное, тонкое, точное, — и кожа разошлась, как ткань по шву. Взяла пинцет и углубила в рану. Женя стиснул зубы до скрежета, и желваки на челюстях вздулись, будто кто-то вбивал в них гвозди. На лбу у него выступила испарина, но он не издал ни звука — лишь дыхание стало чаще и тяжелее. Извлекла пулю — маленький, деформированный кусок металла, который она положила на полотенце, — и зашила рану.

— Давай я поставлю тебе капельницу с физраствором. Ты потерял много крови, запасов у меня нет, но раствор поможет быстрее восстановиться.

— Хорошо, — спорить сил у парня не было, операция практически на живую отняла последние силы. Он откинулся на спинку дивана, и его дыхание выровнялось — не потому что боль ушла, а потому что тело перешло в режим экономии, как машина, у которой почти кончилось топливо.

Поставив капельницу, она ушла принимать душ. Быстро ополоснувшись, замотала волосы полотенцем и надела свой небесно-голубого цвета шёлковый коротенький халат, завязав пояс. Женя лежал неподвижно с закрытыми глазами, капельница заканчивалась, и Кира наклонилась, чтоб вытащить иглу. Мужчина вцепился ей в руки, снова напугав.

— Да что ты такой дёрганый, я хотела капельницу убрать, — проговорила, потирая руку.

Он расслабился. Девушка вытащила иглу, прижав ватой место укола, согнув его руку. Проверила ранение. Медицинская повязка была чистой — значит, шов не разошёлся от его постоянных резких движений. Окинув торс парня беглым взглядом, заметила старые шрамы — от пулевых ранений и ножевых. Белые, давно зажившие линии пересекали его кожу, как маршруты на карте, где каждый — отметка о месте, откуда он вернулся живым. Одно было достаточно близко к сердцу. И тут пришло озарение.

— Это ты в них стрелял? — выпалила не подумав.

— В кого? — непонимающе спросил он.

— В водителей, их привезли в нашу больницу вечером, — ответила, буравя его взглядом.

— Они живы? — встрепенулся Евгений.

— Не вставай. — Кира положила руку на грудь мужчины, от чего его тело покрылось мурашками. Ладонь ощутила под собой жар и биение сердца — быстрое, неровное, как у загнанного зверя, который не знает, что пора остановиться. — Будешь постоянно дёргаться, швы разойдутся.

— Так они живы? — вновь спросил он.

— Один умер, — с сожалением заговорила девушка. — Которого оперировала я, в коме.

— Он будет жить? — не унимался мужчина.

— Не знаю. Завтра будет видно. Ладно, — вздохнула девушка, поднимаясь с дивана. — Пора ложиться спать.

Женя схватил её за запястье, останавливая. От его тёплого, нежного прикосновения по телу пробежали мурашки. Она обернулась. В его глазах — тех самых серых, пугающе пустых — на мгновение мелькнуло что-то живое, незащищённое, словно в стене, которую он строил годами, вдруг треснула одна доска.

— Спасибо тебе, — всё же что-то человеческое в нём есть.

— Это мой долг, спасать людей, — с этими словами он отпустил её, и Кира ушла в спальню.

Раздался оглушающий шум. Грохот, от которого задрожали стены, — будто кто-то ударил кувалдой по стеклянному куполу, и он разлетелся на тысячу осколков. Девушка вскочила с кровати и кинулась в гостиную. В комнате находилось много народу — сотрудники полиции, человек десять, в чёрной одежде с масками на лице и нашивками на плече «ОМОН». Застыв на месте, хлопала от шока глазами. Секунду назад в квартире было тихо и темно, а теперь — свет от фонарей в коридоре, крики, топот, и всё это разом, как будто ночной кошмар вдруг решил Materialise. Евгения пытались скрутить, но он как бешеный зверь раскидывал в разные стороны людей из правоохранительных органов. Движения его были хищными, точными, отчаянными — человек, которому нечего терять, всегда опаснее того, у кого есть план. Вскоре, освободив себя от последних цепких рук, перепрыгнул через спинку дивана, схватил Киру. Рывком притянул её к себе. Прикрывшись девушкой как живым щитом. Одной рукой держал её за горло, другую вытянул вперед и стал отстреливаться. Выстрелы грохотали в замкнутом пространстве квартиры, и каждый отдавался в ушах звоном, который не хотел стихать. Служители закона падали замертво один за другим. Один из группы ОМОН вскинул пистолет со словами: «Буду стрелять на поражение». Реакции от Евгения не последовало — он целенаправленно убирал препятствие из людей перед собой. Тогда мужчина из органов сделал предупредительный выстрел в потолок, второй — по стоящим перед ним людям. Достигнув цели, пуля отозвалась дикой жгучей болью в животе у Киры. Боль была такой, что мир сузился до точки — яркой, белой, обжигающей, — и всё остальное перестало существовать. Девушка стала оседать. Женя пытался удержать её сколько мог, продолжая отстреливаться. Вскоре пуля настигла и его. Поразив в чудовищной близости к сердцу. Они лежали на полу, и сотрудники полиции стали осторожно приближаться. Кира смотрела парню в глаза — в серые, пугающе пустые очи, в которых не было ни страха, ни раскаяния, лишь усталость, и в этой усталости — что-то похожее на покой. По щекам девушки текли слезы — от боли и осознания скорой смерти. Евгений направил пистолет ей в голову. На его лице читалась лишь обречённость.

— Так будет лучше, — прошептал он и спустил курок.

ГЛАВА 3

Кира.

Кира резко открыла глаза и села в постели. Дыхание было учащённым, рваным, будто она только что вынырнула из тёмной воды, где слишком долго не могла найти поверхность. Сердце громко колотилось в груди, казалось, бьётся прямо об рёбра — каждый удар отдавался в висках, в кончиках пальцев, во всём теле, которое ещё не поверило, что это был всего лишь сон.

— Господи, — прошептала она, проведя руками по волосам, словно пытаясь стряхнуть с себя остатки кошмара, как липкие нити паутины. — Это был всего лишь сон.

Взглянула на часы: без двух минут семь. Циферблат смотрел на неё холодно и бесстрастно, будто не понимал, почему её трясёт. Отключила будильник — тот самый резкий, безжалостный звук, который всегда возвращал к реальности, — и прошла на кухню. Женя спал. Прикрыв дверь, чтобы не потревожить его, вскипятила чайник. Пар поднялся к потолку, закручиваясь в тонкие спирали, и на мгновение всё стало обычным: запах нагретого металла, тихий свист чайника, свет, льющийся из окна и окрашивающий кухню в бледно-жёлтый цвет. Она налила кофе, чтоб взбодриться. Ведь спала она чуть больше трёх часов — этого едва хватило, чтобы провалиться в тяжёлую, беспокойную дремоту, а не по-настоящему отдохнуть.

После завтрака заглянула в ванную комнату, умылась холодной водой, которая на секунду обожгла кожу и помогла собраться. Привела волосы в порядок — несколько быстрых движений расчёской, и они легли привычно, послушно, как будто и не было этой ночи, полной кошмаров и тревог. Вернулась в свою комнату и надела первое, что попалось под руку: голубые джинсы, белоснежную водолазку без рукавов, ветровку застегнула до середины. Ткань приятно касалась кожи, но не согревала — внутри всё ещё гулял холод, оставшийся после сна. Схватив сумку, отправилась на выход, положив заранее написанную записку у дивана: «Ушла на работу. Еда в холодильнике, чувствуй себя как дома». Слова выглядели буднично, почти равнодушно, но в них пряталась забота — тихая, незаметная, как тень в углу комнаты.

Зашла в кабинет, переоделась в привычный белый халат — он пах больницей, спиртом и чем-то ещё, чем всегда пахнет место, где борются за жизнь. Пошла к главврачу на ежедневную летучку. Все были в сборе. Илья Семёнович обозначил фронт работы на сегодня каждому, его голос звучал ровно, уверенно, как метроном, отсчитывающий ритм рабочего дня. В конце объявил, что привезённый вчера мужчина скончался ночью, не приходя в сознание.

Эта новость ударила по Кире, как порыв ледяного ветра. Как ни старалась она свыкнуться с мыслью, что некоторые пациенты умирают, каждый раз реагировала остро. Сейчас было ещё больнее — от осознания того, что убийца сейчас в её квартире, и его жизни ничего не угрожает. В груди разлилась странная, горькая несправедливость: она спасала, боролась, держала в руках скальпель, пытаясь удержать жизнь, а тот, кто эту жизнь отнял, спокойно спал в её кровати.

День тянулся медленно, тягуче, как густая смола, в которую падают песчинки времени. Ужасно хотелось спать. Время перевалило чуть за обед, а девушка пила уже пятую чашку кофе. Тёмная жидкость обжигала горло, но не прогоняла усталость — она сидела в костях, в мышцах, в каждом движении, делая его чуть более тяжёлым, чуть менее уверенным. Кира пыталась продержаться до вечера, чтобы никто не заметил её состояния, чтобы руки не дрожали, когда она снова возьмёт инструменты.

— В холле тебя спрашивают из полиции, — раздался голос Алисы за спиной, когда Кира шла по больничному коридору. Звук был обычным, будничным, но от него по спине пробежал ледяной холодок.

— Меня? Зачем? — эта новость быстро взбодрила, и в голове закружились десятки мыслей, как сухие листья в порыве ветра.

— Не знаю, — пожала девушка плечами. — Они искали владельца машины BMW M3. Это же твоя машина?

Не ответив, она направилась к ресепшену, пытаясь успокоиться, чтобы не выдать себя нервозностью. Каждый шаг отдавался в груди глухим эхом, а в горле пересохло. Подошла к мужчине в форме и как можно естественнее улыбнулась — улыбка получилась натянутой, хрупкой, как тонкая корка льда на луже.

— Вы меня искали?

— Машина на стоянке, BMW M3, ваша? — осведомился мужчина, одновременно показав удостоверение. Его лицо было спокойным, почти безразличным, но глаза — внимательные, цепкие, будто сканировали каждую черту её лица, каждый жест.

— Да. А в чём дело? Я что-то нарушила? — нервы были на пределе, держаться было всё труднее под пристальным взглядом полицейского. Имя, которого она так и не смогла прочитать из-за волнения, расплывалось перед глазами, как буквы в воде.

— Где вы были вчера вечером? — задал вопрос, не сводя пристального взгляда с Киры.

— Здесь, — спокойно ответила девушка, хотя сердце уже пустилось в галоп, стуча в ушах так громко, что она едва слышала собственный голос. — У меня смена до восьми, но вчера поступили два раненых мужчины, в перестрелке, мне пришлось оперировать. Я уехала ближе к одиннадцати. А какое время вас конкретно интересует?

— А где вы были в два часа ночи? — он что-то записывал в блокнот, и этот тихий скрип карандаша по бумаге звучал в тишине коридора особенно громко, как скрежет металла по стеклу.

— Дома спала. Я хирург. Чтобы быть в форме на сегодняшних операциях, мне требуется здоровый сон. Может, скажете, в чём дело? — держать себя в руках удавалось с трудом, но она старалась говорить ровно, не давая голосу дрогнуть.

— Ночью… — следователь задумался, но продолжил. — За городом была замечена машина такой же марки. По данным следствия известно, что на ней скрылся очень опасный преступник. — Мужчина говорил медленно, и с каждым словом его взгляд становился всё настойчивее, словно рентгеном пытался просканировать девушку, добраться до самой сути, до того, что она прятала внутри. — В нашем городе машина этой марки только у вас. Я могу её осмотреть? — на этих словах Кира перестала дышать. Воздух застыл в лёгких, тяжёлый, неподвижный, как свинцовая пластина.

— Если только быстро, через десять минут у меня операция, — быстро заговорила она, пытаясь скрыть нервозность и волнение за торопливостью.

Волноваться было из-за чего. Женя был ранен, и в машине вполне могли остаться следы — капля крови, ворс от одежды, что-то, что выдаст его присутствие. Пока они шли к машине, Кира молилась, чтобы там ничего не обнаружили. Небо над стоянкой было серым, затянутым плотными облаками, и даже солнце, если оно где-то там было, не могло пробиться сквозь эту пелену.

— А что с преступником, его поймали? Вы хотя бы улицы патрулируете? Мне часто приходится возвращаться домой поздно, вы меня напугали, — она продолжала заваливать следователя вопросами, чтобы скрыть свой страх за выдуманной мнительностью, за потоком слов, который должен был заглушить стук её сердца. — А он сильно опасен? Чего ждать? Может, изнасиловать или прирезать, или просто обокрасть? Вдруг он где-то рядом. Я же должна знать, чего ожидать. Ответьте хоть что-то.

— Может пристрелить без зазрения совести, — раздражённо вздохнул мужчина, и в его голосе прозвучала усталость — не от разговора, а от самой работы, от бесконечных поисков, от попыток удержать порядок в мире, который постоянно ускользал сквозь пальцы.

Пока он осматривал всю машину, Кира быстро пробежала взглядом по пассажирскому сиденью. Она-то точно знала, где и что искать. И когда увидела, что всё чисто, её накрыла волна облегчения — тёплая, почти пьянящая, как глоток свежего воздуха после долгого пребывания в душном помещении.

Чисто!

Её это порадовало, и, немного расслабившись, она вновь заговорила:

— А с чего вы взяли, что машина должна быть из нашего города? Я, покупая свою, ездила в Москву.

— Проверка, простая формальность, но мы обязаны проверить все версии, — отчеканил он как по шаблону, и в этих словах прозвучала привычная бюрократическая отстранённость, которая иногда спасала, а иногда ранила сильнее любого ножа.

— Я могу идти? У меня операция, — постучала она пальцем по наручным часам, и этот жест был не просто напоминанием о времени — это была попытка вернуть себе контроль, хоть какую-то опору в этом зыбком, шатком мире.

— Да, — нехотя согласился следователь.

Кира вернулась в больницу, но оперировать боялась. Руки тряслись, и каждый раз, когда она брала инструмент, ей казалось, что он вот-вот выскользнет из пальцев. Надо было что-то делать: либо быстро успокоиться, либо попросить замену. Но тогда её могли заподозрить. Придётся взять себя в руки.

К счастью, ей удалось обуздать эмоции, и операция прошла по плану. Холодный свет ламп, запах антисептика, сосредоточенность — всё это помогло ей на время забыть о страхе, о полицейском, о Жене, о том, что её жизнь вдруг стала похожа на лабиринт, из которого не видно выхода. Как ей хотелось быстрей оказаться дома и дать волю чувствам, бушующим внутри, как шторм в закрытом сосуде.

Когда рабочий день закончился, Кира переоделась в считанные секунды и так же быстро покинула клинику. Сев в машину, медленно двинулась к дому. Не хотела привлекать к себе внимание нарушением правил — сейчас любая мелочь могла стать поводом для нового допроса, для новых вопросов, для новых взглядов, которые будто просвечивали насквозь.

Только зайдя в подъезд, смогла расслабиться. Тишина здесь была особенной — не пустой, а наполненной, как воздух перед грозой. Перешагнув порог квартиры, огляделась. Было темно. Ни в одной комнате не горел свет. Если он ушёл, это было бы прекрасно — и в этой мысли прозвучала не жестокость, а усталость, желание хоть на минуту остаться одной, чтобы перевести дух. Бросив сумку на тумбочку и скинув обувь, пошла в сторону кухни, чтобы включить там свет. В коридоре Кира не включала свет, за исключением редких случаев. Выработала привычку разуваться в темноте и уже потом включать свет в кухне и гостиной — так было спокойнее, будто темнота на несколько секунд становилась её союзницей, укрывала, прятала от всего мира.

Сделав пару шагов, сильные мужские руки силой дёрнули её в сторону и прижали к стене. Холод бетона под лопатками и жар чужого тела слились в одно ощущение — резкое, пугающее, как удар током.

— Всё-таки сдала меня, сука! — злобно шептал в ухо Евгений. Его дыхание обжигало кожу, а голос был низким, хриплым, полным ярости и боли.

— Ты больной, что ли?! — пыталась вырваться она, но парень ещё сильней припечатывал её к стене, и от этого давления у неё перехватывало дыхание. — Пусти, мне больно!

— Только имей в виду, ты живой не останешься, — всё тем же стальным голосом говорил он, и в этих словах не было угрозы — была констатация факта, холодная и безжалостная, как лезвие, которое уже коснулось кожи.

— У тебя бред или что?! — Кира дёрнулась, пытаясь вырваться, но он держал крепко, как капкан, из которого нет выхода. Женя резко развернул её к себе лицом и снова припечатал к стене. В его глазах читалась не просто злость — в них была паника, отчаяние человека, который загнан в угол и готов на всё, чтобы вырваться.

— Не заговаривай мне зубы. Менты полдня во дворе ошиваются.

— Как? — всё, что смогла сказать. Слова застряли в горле, тяжёлые, неповоротливые, как камни.

— Это ты им меня сдала? — Евгений приставил пистолет к её голове. Глаза искрили злостью и пустотой, почти как во сне, который она только что пережила, но теперь это была реальность — жёсткая, беспощадная, пахнущая металлом и страхом.

— Если бы я это сделала, то вряд ли зашла первой. Если они здесь, то надо включить свет. Иначе они поймут, что что-то не так, — Кира дёрнулась к выключателю, и на этот раз Женя не

стал её удерживать. В комнате вспыхнул свет — резкий, беспощадный, обнажающий каждую деталь, каждую тень. — Они приходили сегодня в клинику. Разглядели марку машины.

— Мне надо уходить по…

Раздался звонок в дверь. Звук был обыденным, почти домашним, но сейчас он прозвучал как выстрел — резко, оглушающе, разрывая тишину на части. Кира вздрогнула. Помедлив пару секунд, стащила с себя джинсы и кинула в Женю. Парень поймал штаны с удивлённым взглядом, будто не мог понять, что происходит, как будто мир вдруг сошёл с привычных рельсов и покатился под откос.

— Брось на кровать, а сам спрячься в шкаф и не выходи, — слова вылетали быстро, как пули из автомата, без раздумий, на одних рефлексах.

Без лишних слов парень испарился. Окинув комнату взглядом на наличие вещей, которые могут выдать присутствие постороннего, заметила только ботинки в коридоре. Быстро сунув их в тумбочку, сняла халат с крючка в ванной и услышала новый звонок.

— Иду, иду, — кричала, подходя к двери. Запахивая на ходу халат и завязывая пояс, она пыталась собрать себя по кусочкам, вернуть ту лёгкость, ту непринуждённость, которая должна была убедить их, что здесь всё в порядке, что она просто уставшая девушка, которая только что пришла с работы.

Открыла дверь и окинула взглядом стоящих перед ней. Их было двое: всё тот же следователь и ещё один в гражданской одежде. Лица были серьёзными, сосредоточенными, как у людей, которые привыкли видеть худшее и не ждут ничего хорошего.

— Вы что-то ещё забыли спросить? — улыбаясь, прощебетала она, поправляя полы халата. — Я только пришла, переодевалась. Простите, что заставила ждать.

— Мы войдём? — настороженно разглядывая пространство за девушкой, спросил он. Его взгляд скользил по коридору, по дверям, по каждой детали, словно пытался сложить из них картину, которая пока не складывалась.

— Да, да, конечно, — всё так же вежливо говорила девушка. — Проходите на кухню. Может, чаю? Я очень голодная. — Щёлкнув выключателем, прошлась беглым взглядом по комнате — чисто. — Уже несколько часов мечтаю о еде.

Кира стала доставать продукты из холодильника, включила чайник, достала кружки и тарелки. Движения были привычными, автоматическими, как у куклы, которую завели ключом.

— Кушать будете? — мужчина отрицательно покачал головой. — Спрашивайте, я вас слушаю.

— Вы в квартире одна? — начал допрос следователь. Его голос звучал спокойно, но в нём чувствовалась стальная пружина, готовая в любой момент распрямиться.

— Нет, конечно, что за вопрос. Нас здесь трое, — удивлённо ответила девушка. Её голос звучал искренне, и эта искренность была лучшей защитой — она сама почти поверила в то, что говорила.

— Я имею в виду до нашего прихода.

— А… ой, — Кира громко рассмеялась. Смех получился нервным, звенящим, но в нём была и доля правды — она действительно чувствовала себя так, будто её проверяют на вменяемость. — Я думала, это тест на вменяемость. Конечно, одна. Если вы нашли меня в больнице, наверняка знаете обо мне всё. Кого вы тут ожидали увидеть?

— Например, Евгения Остапенко, — мужчина не сводил глаз с Киры, и этот взгляд был тяжелее любого груза — он давил, проникал под кожу, заставлял чувствовать себя прозрачной, лишённой любых тайн.

— А кто это? — не моргнув глазом спросила она. В её голосе не было ни удивления, ни страха — только лёгкое недоумение человека, который действительно не понимает, о чём речь.

— Всё тот же опасный преступник, — он сверлил её взглядом, и в этом взгляде читалось: «Я знаю, что ты что-то скрываешь. Скажи правду, и всё закончится».

— Вы серьёзно думаете, что он у меня? — удивление и возмущение было сыграно идеально. Она даже сама почувствовала, как в груди поднимается волна негодования — не только для вида, но и по-настоящему.

— Ну, раз вы одна, вы же не будете возражать, если мы осмотрим квартиру?

— Да, пожалуйста, — недовольно фыркнула девушка. В этом фырканье прозвучала обида — не на них, а на саму ситуацию, на то, что её дом, её убежище, вдруг стал местом, которое нужно обыскивать, как улику в деле.

Они прошлись по гостиной, заглянули за шторы и диван. Наведались в ванную. Порылись в гардеробном шкафу в коридоре. После чего добрались до спальни. Следователь заглянул под кровать и за шторы. Второй подошёл к шкафу-купе и схватился за дверцу, где находились полочки.

Кира была на грани нервного срыва. Понимая, что как только он откроет эту дверцу, то потом очередь дойдёт и до второй, и надо что-то делать. В голове метались мысли, как испуганные птицы в тесной клетке.

— Ну это уже слишком, — вцепившись руками в дверцу, спиной она прижала другую. — Всему есть предел. — Она стала повышать голос, и в нём звучали не только нервы — в нём была настоящая боль, обида, чувство несправедливости. — Я не позволю вам рыться в моём нижнем белье.

Следователь встал рядом со вторым и пристально посмотрел на девушку. Его взгляд был тяжёлым, изучающим, как у врача, который ищет симптомы болезни.

— Вам есть что скрывать? — он словно бульдог, почуял свою добычу, и теперь не собирался отпускать.

— Вы правда думаете, что я прячу вашего убийцу у себя в шкафу с трусами?! — девушка стала переходить на крик. Голос срывался, дрожал, но в нём было столько искренности, что даже она сама начала верить в свои слова. — Я что, похожа на полную идиотку? У меня и так проблем полно. Чего вы добиваетесь? Решили поиздеваться над беззащитной девушкой? — Из глаз, как по заказу, потекли слёзы. Они были не только игрой — они были настоящими, горькими, обжигающими, как соль на открытой ране.

— Что вы так нервничаете? Мы просто заглянем в шкаф, и если там пусто, сразу уйдём.

— Конечно, там не пусто! Там мои личные вещи, которые я не желаю никому показывать. После вашего допроса и досмотра в больнице я кое-как провела операцию. У меня тряслись руки от одной мысли, что меня подозревают в чём-то незаконном, — по щекам Киры продолжали литься слёзы, но они уже не были наигранными, они были от страха — настоящего, глубокого, того, что живёт в костях и не уходит, сколько ни уговаривай себя успокоиться. — Теперь третируете меня дома. Хотите, чтоб я работы лишилась? Я хирург. У меня не должны трястись руки, от этого зависят жизни людей. Машина у меня такая же, как у бандита. Да я копила на неё, во всём себе отказывая. Это была моя мечта. Ещё кредит взяла, который платить теперь пять лет! — Слёзы не останавливались, Киру прорвало уже по-настоящему. Руки тряслись, голос срывался от истерики, и слова вылетали из неё, как вода из прорвавшей трубы — грязная, горькая, неуправляемая. — Хотите, забирайте её к чёртовой матери, только оставьте меня в покое. Что вам ещё нужно, трусы мои? Тоже можете забрать! — со злостью Кира дёрнула дверцу, шкаф покачнулся, внутри что-то брякнуло, и звук этот прошёл по нервам, как ножом по стеклу. — Вот, смотрите, пожалуйста, можете забирать.

Уже почти не отдавая себе отчёт, девушка стала доставать нижнее бельё и кидаться им в полицейских. Кружевные трусики и лифчики летели по воздуху, как белые флаги капитуляции — только никто здесь не побеждал и не сдавался, все просто теряли что-то: она — достоинство, они — уверенность. Те ошарашенно таращились на неё, не в силах понять, что делать дальше,

— они привыкли к крикам, к угрозам, к молчанию, но к этому — к девушке, которая швыряет в них бельём и рыдает так, что сердце сжимается, — они готовы не были. Закидав их трусиками и лифчиками, отшвырнула в сторону полку, и та с грохотом ударилась о стену, оставив на обоях белую царапину — как шрам на коже дома. Принялась вытряхивать футболки и всё, что попадалось под руку, и каждая вещь, вылетая из шкафа, уносила с собой ещё один кусок её спокойствия, ещё один слой той брони, которую она строила весь день.

— Всё хватит! Хватит! Успокойтесь! — пытался привести её в чувства следователь. Он встряхнул её за плечи, и от этого прикосновения она наконец остановилась, словно кто-то выдернул вилку из розетки. Смотрела на мужчину зарёванным лицом — красным, опухшим, мокрым, с mascara, потёкшей по скулам, — и в этом лице не осталось ничего от той собранной хирургини, которая два часа назад выводила скальпелем ровную линию. — Мы, пожалуй, пойдём, закройтесь за нами.

Кира поплелась за ними, босая, в распахнутом халате, с волосами, прилипшими к мокрым щекам. Закрывая дверь, заметила, что на плече у следователя висели одни из её трусиков — маленькие, голубые, с бантиком, — и от этой детали её вдруг прорвало на новый, уже истерический смешок, который она едва сдержала, пока дверь не щёлкнула замком. Облокотившись о дверь спиной, сползла по ней на пол и подтянула к себе колени. Тряпка тёрла спину через тонкий халат, холодная и шершавая, но именно эта шероховатость вернула её к реальности. Тело трясло, всё ещё всхлипывая, истерика проходила, на смену ей приходил смех — сначала тихий, как бульканье воды в трубе, потом всё громче, неудержимее. Вспоминая трусики на плече у следователя — серьёзного мужчины с тяжёлым взглядом, который уходил из её квартиры с кружевным бантиком на погоне, — Кира soon начала смеяться в голос, запрокинув голову, и смех этот звенел в тёмном коридоре, как треск разбитого колокола, в котором всё ещё живёт звук.

Когда к ней подошёл Женя — бесшумно, как тень, отделившаяся от стены, — опустился на корточки и заговорил.

— Ну ты и актриса. Я уже сам начал верить, что меня тут нет, — улыбнулся он, и улыбка эта была странной — не насмешкой, не облегчением, а чем-то похожим на восхищение, смешанное с недоумением. — Менты уехали. Внизу было ещё четверо, они поржали над тобой. Один что-то выкинул в урну, расселись по машинам и уехали.

— Ржали они, скорее всего, над ним. Он ушёл с трусами на плече, — сквозь смех говорила она, и смех перебивался всхлипами, как волна, которая накатывает и отступает, накатывает и отступает, не в силах решить, что она такое — радость или горе.

— Я знатно перенервничал. Когда ты долбанула дверью, я чуть не начал стрелять, — голос его был тихим, и в нём звучало что-то, чего Кира не ожидала услышать от человека с пистолетом: признание собственной слабости.

— В тот момент я готова была умереть. А тебе нервы надо лечить. Дергаешься постоянно, — отрешённо сказала Кира. Смех стих, и на его место пришла пустота — не страшная, не горькая, а просто пустая, как комната, из которой вынесли всю мебель.

Евгений заглянул ей в глаза, наткнувшись на стену безысходности — ту самую, которую она возводила весь день, кирпичик за кирпичиком, и которая теперь стояла перед ним, гладкая и неприступная. Он приобнял её за плечи, и от этого прикосновения — тёплого, тяжёлого, как одеяло, наброшенное на продрогшего человека, — что-то внутри неё дрогнуло и начало оттаивать.

— Ты большая молодец. Сомневаюсь, что кто-то мог так стойко вынести всё это. Тебе надо отдохнуть, — после этих слов он подхватил её на руки, и она не сопротивлялась — тело было таким лёгким, будто весь день из него выливали что-то тяжёлое и теперь осталась только оболочка, тонкая, хрупкая, как бумажный фонарик.

Уложил на кровать и присел рядом. Нежно гладил по волосам, и от этого прикосновения девушка чувствовала тепло и защиту — не от полиции, не от страха, а от чего-то большего, чего она не могла назвать, но что заполняло её, как свет заполняет комнату, когда задёргивают шторы. Кира повернулась на спину и посмотрела в лицо Евгения. В тусклом свете, пробивавшем из кухни, его черты казались мягче, шрам на скуле — не таким глубоким, а серые глаза — не такими пустыми, как прежде. Будто и он, сбросив броню, стал чуть ближе к человеческому.

— Когда это закончится? Они ведь не оставят меня в покое? — это был риторический вопрос, и она не ждала ответа, прекрасно зная его сама. Голос её был тихим, и в нём звучала не надежда, а усталость — та самая, которая накапливается не от бессонных ночей, а от постоянного ожидания удара, который может прийти отовсюду.

— Конечно, оставят, — он наклонился ближе и добавил уже шёпотом, и его дыхание касалось её щеки, тёплое и живое. — Я уйду, ты продолжишь жить обычной жизнью, и они от тебя отстанут. У них на тебя ничего нет, кроме марки машины.

Женя наклонился ещё ближе и накрыл её губы своими. Нежный поцелуй будоражил в девушке странные чувства — не страсть, не желание, а что-то более глубокое, как первый дождь после засухи, когда земля ещё не верит, что это надолго. По телу разливалось тепло — медленно, как вино по бокалу, который наклоняют всё ниже. Тело подалось навстречу сильному мужчине, словно подчиняясь не разуму, а чему-то древнему, что живёт в крови и не спрашивает разрешения. Внизу живота начало потягивать приятной истомой, как от тёплой ладони, положенной на ноющую мышцу. В ответ на реакцию девушки Женя зарылся одной рукой ей в волосы,*second*положил на бедро и стал нежно поглаживать — кончиками пальцев, едва касаясь, будто рисовал на коже невидимый узор. Поцелуй стал настойчивее и требовательнее. Язык проникал глубже, исследуя её рот, и в этом исследовании была неторопливость человека, который знает, что торопиться некуда, что ночь длинная и принадлежит только им. Руки проходились по телу, и каждое прикосновение оставляло после себя тёплый след, как линия, проведённая по нагретому стеклу. Голова шла кругом от ласк, и мир за пределами кровати терял очертания, размывался, как акварельный рисунок, на который пролили воду. Разум затуманивался. Кира теряла контроль над собой — не рывком, а медленно, как теряют равновесие, когда качаешься на краю бассейна и всё глубже подаешься вперёд.

Развязав шёлковый халатик, он соскользнул на постель, оголяя бедра. Ткань легла на простыню, как сброшенная кожа, — ненужная, лишняя, мешающая. Рука мужчины скользнула под водолазку и накрыла одну грудь, слегка сдавив её, и от этого прикосновения Кира выгнулась чуть вверх, как струна, которую тронули пальцем. Девушка издала тихий стон — не громкий, почти неслышный, но в тишине квартиры он прозвучал, как первая нота мелодии, которую ещё никто не слышал, но которая уже началась. Посчитав это призывом к действию, Евгений навис над девушкой, покрывая её шею поцелуями — влажными, горячими, — и каждый из них оставлял на коже тёплое пятно, которое медленно остывало и тут же сменялось новым. Слегка прикусывая и обводя место укуса влажным языком, он прокладывал тропинку от подбородка к ключице, от ключицы к уху, и Кира запрокидывала голову, открывая ему дорогу, как открывают калитку в сад, куда давно хотят войти.

Кира запустила пальцы в его волосы — жёсткие, тёплые, — и притягивала его к себе ближе, чувствуя, как его дыхание становится тяжелее, как сердце под рёбрами бьётся всё быстрее, вторя её собственному. Быстрым движением мужчина стянул водолазку с девушки вместе с халатом, отбросив в сторону, и одежда легла на пол тихой, ненужной грудой. Снял с себя футболку и прижался разгорячённым телом к девушке, и от этого прикосновения — кожа к коже, жар к жару — по её телу пробежала волна мурашек, как от первого шага в холодную воду, который оборачивается теплом. Стоны слетали с губ всё чаще, и каждый новый был чуть громче предыдущего, как прибой, который с каждой волной подбирается всё ближе к берегу. Женя стал покрывать грудь Киры влажными поцелуями, и каждый из них был как капля дождя

на раскалённой мостовой — испарялась, оставляя за собой лишь ощущение, которое не успевало угаснуть. Одной рукой расстегнул застёжку на бюстгальтере и избавился от него, и Кира на мгновение почувствовала себя обнажённой — не телом, а чем-то большим, душой, которую впервые увидели без прикрытия. Не прерывая поцелуев, снял с себя джинсы.

На каждом оставалась только одна вещь. Кира не могла рассуждать здраво, её уносило наслаждение от непрерывных ласк, и в этом потоке не было ни страха, ни сомнений — только ощущение, что она падает, но падение это не пугает, а скорее маниит, как манит глубина, когда стоишь на краю. Она чувствовала, как возбуждённый орган упирается ей в бедро, и от этого ощущения в ней что-то сжалось и тут же отпустило, как от прикосновения к оголённому нерву. Надо остановиться, пока не настал момент невозврата. Но Евгений прикусил сосок девушки и прошёлся по нему языком, и эта мысль растворилась в ощущениях, как соль в тёплой воде. Забыв про всё, она вновь выгнулась навстречу парню, и тело её жило собственной жизнью, подчиняясь ритму, который был старше слов и мыслей.

Проложив дорожку поцелуев от груди к низу живота, он стягивал с неё красные кружевные трусики — медленно, словно разворачивал подарок, в котором боится повредить содержимое. Вновь прильнув к губам, скользнул рукой ей между ног. Кира была влажная, а значит, хотела его так же, как он её. Проникнув вглубь, ощутил, какая она тугая внутри, и от этого открытия его дыхание сбилось на мгновение, как у человека, который нашёл что-то, чего не ожидал найти. Девушка заерзала, широко распахнув глаза. Взгляд был затуманён, но в нём читался страх — не внешний, не от пистолета или погони, а внутренний, глубокий, тот, что живёт в теле, которое впервые готовится отдать то, что хранило для кого-то особенного.

— Всё хорошо? — спросил Женя хриплым голосом, и в этом хрипе была не только страсть, но и забота — грубая, неловкая, как у человека, который не привык спрашивать, но сейчас не может не спросить.

— Да… нет, — неоднозначно и растерянно прошептала Кира, и в этом «да» и «нет», сплетённых в одно слово, была вся её жизнь: хотела и боялась, стремилась и отступала, тянулась и держалась.

— Что не так? — он прекратил все ласки, и от этого прекращения стало ещё ощутимее, как сильно её тело хотело продолжения.

— Я боюсь, — почти одними губами шептала она, и в этом шёпоте не было ни стыда, ни кокетства — только правда, голая, как она сама.

— Меня? — удивился парень, проведя языком по её припухшим губам, и в этом жесте была нежность, которой не место в его жизни, но которая всё-таки нашла дорогу.

Ответа не последовало, девушка закрыла глаза. Евгений продолжил ласки — медленно, осторожно, как человек, который понял, что имеет дело с чем-то хрупким, и не хочет сломать. Избавившись от боксеров, требовательно поцеловал в губы. Продолжая указательным пальцем ласкать лоно, а большим — клитор. Девушка застонала в голос, прогнув спину в пояснице, и этот стон был другим — не тихим, не осторожным, а открытым, как окно, которое распахнули настежь. Раздвинув ноги Киры своими коленями. Его орган уперся в нежные складки девушки. Внизу живота у неё сладко тянуло, заглушая страх, — как музыка заглушает тиканье часов, когда забываешь о времени. Он вошёл в неё на всю длину одним резким толчком. Жгучая боль пробила тело девушки, глаза широко распахнулись, и в эту секунду мир сузился до точки — острой, яркой, как вспышка камеры, которая выхватывает из темноты одно единственное лицо. Он замер.

— Ты… почему не сказала? — хриплым томным голосом заговорил Женя, и в его голосе звучало что-то, чего Кира не слышала ни от одного мужчины: растерянность. Не досада, не раздражение, а именно растерянность — человека, который обнаружил, что держит в руках что-то бесценное и не знает, достоин ли этого. — Я бы был аккуратнее.

Дав ей привыкнуть, он медленно стал двигаться — назад, вперёд, — и каждый его толчок был осторожным, выверенным, как первый шаг по тонкому льду, который ещё не знает, выдержит ли. Кира стала расслабляться и постанывать, и эти стоны были уже не от боли, а от чего-то нового, незнакомого, что разрасталось внутри, как почка, которая лопается весной, обнажая нежный зелёный росток. Евгений припал к её губам поцелуем, заглушая в нём стоны, и в этом поцелуе была благодарность — не за акт, а за доверие, которое она ему оказала, несмотря ни на что. Постепенно наращивая темп. Кира обхватила его плечи, притягивая ближе, желая раствориться в нём, и это желание было не телесным, а чем-то более глубоким — желанием перестать быть собой на мгновение, стать частью кого-то другого, кто сильнее, кто не сломается. Наслаждение ударило горячей волной и стало расходиться по телу — от низа живота к груди, от груди к кончикам пальцев, — и всё, что было болью и страхом за этот день, смыло, как прилив смывает следы на песке. Содрогаясь всем телом, девушка прерывисто задышала, и каждый выдох был как отпускание — отпускала страх, отпускала напряжение, отпускала тот контроль, который держала весь день, всю неделю, всю свою жизнь. Женя, ускорившись, дошёл до предела, вышел и излился на её живот — тёплая влагой на коже, как летний дождь, который заканчивается так же внезапно, как и начался.

Лёг рядом, прижал Киру к себе, нежно поглаживая волосы. Его дыхание постепенно выравнивалось, и сердце под её ладонью билось уже не так быстро, а ровно, уверенно, как метроном, который вернулся к своему обычному ритму. Девушка прижалась к нему, и в этом прикосновении не было уже ни страсти, ни страха — только покой, глубокий, тёмный, как дно колодца, куда не добирается свет, но где тихо и безопасно. Она провалилась в безмятежный сон — впервые за долгое время без сновидений, без кошмаров, без той тяжёлой, давящей тьмы, что преследовала её с самого детства. Только тишина. Только тёплое тело рядом. Только ощущение, что — может быть, впервые в жизни — она не одна.

ГЛАВА 4

Кира.

Проснулась утром в прекрасном настроении — не резко, не от будильника, а мягко, будто кто-то осторожно снял с неё тяжёлое одеяло тревоги, под которым она пряталась все эти дни. Первые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь полупрозрачные шторы, ложились на подушку тонкими золотистыми полосками, и в этом свете даже складки простыни казались не просто тканью, а чем-то тёплым, почти живым. Воспоминания о прошедшей ночи грели душу — не обжигали, не тревожили, а именно грели, как чашка чая, которую держишь в ладонях, чувствуя, как тепло медленно растекается по пальцам и дальше, по всему телу. От осознания, что сегодня выходной, улыбка становилась шире, и даже воздух в комнате казался чище, свежее, будто ночь унесла с собой часть тяжести, осевшей на плечах Киры за последние дни.

Повернула голову на бок — вторая половина кровати была пуста. Простыня там лежала ровно, без глубоких вмятин, лишь едва заметная складка напоминала, что ночью рядом кто-то был. Кира на мгновение задержала взгляд на этом месте, словно пытаясь уловить остаточное тепло, запах, хоть какой-то след присутствия. Потом нехотя вылезла из постели — тело ещё хранило приятную усталость, ту самую, что бывает после долгого, глубокого сна или после сильных эмоций, когда мышцы расслаблены, а мысли текут медленнее, спокойнее.

Халат и остальные вещи были аккуратно сложены на комоде — не брошены в спешке, не смяты, а именно сложены, ровными, почти идеальными стопками, будто кто-то старательно возвращал порядок в мир, который накануне едва не рассыпался на части. Бросив взгляд на пол, отметила: он чист. Ни забытой пуговицы, ни крошки, ни случайного следа — всё было убрано, выметено, приведено в соответствие с каким-то внутренним стандартом аккуратности. Подошла к шкафу и открыла дверцу. Полка была на месте, и все вещи сложены ровными стоп-

ками — футболки, свитера, бельё, — каждая деталь лежала так, словно её специально подбирали по цвету и форме, создавая из хаоса идеальный порядок.

— Оу, мне попался чистюля, — с нежной улыбкой прошептала Кира, и в этих словах прозвучала не ирония, а тихое, почти детское удивление, смешанное с благодарностью. В её мире, где всё постоянно рушилось, ломалось, требовало срочного ремонта, такая простая вещь, как аккуратность, казалась почти чудом.

В гостиной и на кухне Жени не оказалось. Тишина в квартире была не глухой, не давящей, а лёгкой, прозрачной, как воздух после дождя. Она дошла до ванной комнаты — там тоже было пусто. На кафеле не осталось ни капли воды, полотенце висело ровно, зубную щётку кто-то убрал в стакан, а крышку унитаза аккуратно опустил. Всё выглядело так, будто здесь никто и не жил, будто прошлая ночь была сном, который растворился с первыми лучами солнца.

Быстро приняла душ — вода лилась тёплой, обволакивающей, смывая остатки сна и ночных переживаний, оставляя после себя ощущение чистоты и какой-то новой, ещё не осознанной свободы. Вернулась на кухню, щёлкнула кнопкой чайника — тот тихо загудел, и этот привычный, домашний звук вдруг стал казаться самым надёжным в мире. Опустилась на табурет, слегка покачивая ногой, и на мгновение замерла, прислушиваясь к себе и к тишине квартиры.

— Куда же он мог пойти? — озадачилась вопросом девушка, и в этом вопросе прозвучало не раздражение, не обида, а искреннее недоумение человека, который привык к хаосу и теперь не знает, как вести себя в неожиданно наступившем порядке. Взгляд скользнул по столешнице, по подоконнику, по полке с кружками — и вдруг упал на листок бумаги, лежащий на столе. Белый, чистый, с чуть загнутым уголком, он выглядел так, будто специально ждал, когда его заметят.

Кира взяла листок в руки. Бумага была плотной, приятной на ощупь, и от неё едва уловимо пахло чем-то свежим — то ли стиральным порошком, то ли уличным ветром. Красивым, ровным почерком, будто выведенным пером, а не обычной ручкой, было написано довольно приличное послание — без лишних слов, без пафоса, но с той сдержанной вежливостью, которая иногда говорит больше любых признаний.

«Прости, что ушел не попрощавшись. Если бы взглянул тебе в глаза, то не смог бы уйти. Но я должен. Такому как я, нельзя иметь близких сердцу людей. Имея слабое место, им могут воспользоваться враги. А у меня их много. Забудь меня и живи обычной счастливой жизнью. Менты через пару дней угомоняться, и оставят тебя в покое.

СПАСИБО, что помогла скрыться от них.

СПАСИБО, что вылечила.

СПАСИБО, что не сдала.

ПРОСТИ, что навел ментов.

ПРОСТИ, что доставил хлопоты и беспокойство.

ПРОСТИ, что пришлось изрядно понервничать.

За произошедшее ночью, не знаю толи благодарить, толи просить прощение. Ты очень красивая девушка. Я не ожидал, что могу быть первым. Искренне надеюсь, что эта ночь не испортит тебе жизнь. Если бы ты сказала, я бы не стал тебя трогать. Но я чувствовал твое желание, оно было так же сильно, как и мое.

Искренне желаю тебе счастья.

P.S. Сидя в шкафу, я слышал о твоих проблемах. Поэтому, оставляю тебе деньги. Тебе хватит погасить кредит и больше не экономить на себе.

Не думай, что я оплачиваю ночь. Это от чистого сердца. Я бы дал их тебе в любом случае.

Е.»

По щекам девушки потекли слёзы — не крупные, тяжёлые, а мелкие, быстрые, словно капли дождя, которые стекаютпо стеклу, не оставляя следа, но всё равно размывают картинку. От обиды на мужчину в груди разрасталось что-то колючее, горячее, похожее на угли, которые тлеют под тонким слоем пепла.

— Он просто ушёл, — обречённо заговорила она с пустотой, и её голос прозвучал в квартире непривычно тихо, будто боялся спугнуть тишину, которая теперь казалась не уютной, а чужой, холодной. — Ворвался в мою жизнь, словно ураган, словно торнадо. Снёс всё на своём пути. Перевернул всё с ног на голову и просто ушёл.

Положила записку на стол — листок лёг ровно, аккуратно, будто даже в прощании Женя сохранял свою педантичность. И только теперь, опустив взгляд, Кира впервые увидела толстую пачку денег. Они лежали рядом, тёмные, плотные, как будто сами по себе несли какой-то скрытый смысл. Взяв в руки, крутила и разглядывала купюры, перебирая их пальцами, словно пыталась нащупать в них ответ на вопрос, который не давала сформулировать обида.

— Простился в письме. Как он мог? Я столько сделала для него за сутки и ночь, а он написал записку. Неужели я не заслужила простого «прощай», глядя в глаза? — слова звучали горько, и в них слышалась не только боль, но и растерянность человека, который привык, что с ним считаются, а теперь вдруг оказался на обочине чьего-то решения.

Достав из холодильника бутерброды с сыром, налила чай и принялась завтракать. Ела она через силу, не ощущая вкуса — хлеб казался сухим, сыр — безвкусным, а чай — просто горячей жидкостью, которая не грела изнутри. В душе Киры росла обида и злость, сплетаясь в тугой узел, который тянул мышцы и мешал дышать. Она не могла понять, чего в ней больше: обиды за прощание в письме или злости на себя за всю ситуацию в целом, за то, что позволила себе поверить хоть на мгновение, что это может быть чем-то большим, чем просто эпизод.

До вечера она провалялась в постели, много думая над случившимся, прокручивая в памяти всё до мельчайших подробностей — каждый взгляд, каждое слово, каждый жест, пытаясь найти в них хоть намёк на то, что она всё поняла неправильно, что где-то ошиблась, и тогда всё это обретало бы другой смысл.

«Может, и к лучшему, что Женя ушёл. Обидно, что не простился лично. Но, с другой стороны, своим уходом избавил меня от лишних проблем. Жизнь войдёт в привычное русло. И я просто о нём забуду. Хотя такое сложно забыть», — улыбка ностальгии тронула губы, лёгкая, едва заметная, как тень от облака, которая скользит по полю и тут же исчезает. — «Хотела, как мама, встретить одного мужчину на всю жизнь, но, увы, не получилось. Хотя я ни о чём не жалею. Эту ночь я буду помнить если не всю жизнь, то очень долгое время. Может, таким незабываемым и должен быть первый раз. Пора завязывать хандрить, надо проветрить голову и переключиться».

С этой мыслью она встала и облачилась в свой чёрный костюм для гонок — плотный, облегающий, с яркими вставками, в котором она чувствовала себя не просто Кирой, а кем-то другим: смелой, быстрой, свободной. Только скорость могла выветрить все мысли из головы, заглушить этот тихий, но настойчивый шёпот обиды, который не давал покоя.

На улице уже смеркалось — небо наливалось тёмно-синим, как разбавленные чернила, и первые звёзды проступали сквозь тонкую дымку облаков. Машин на дороге было немного, и город казался не пустым, а просто замершим в ожидании чего-то важного. Быстро добравшись до гоночной трассы, включила музыку на всю громкость — тяжёлые басы ударяли по груди, заставляя сердце биться в такт, и она отдалась скорости, дороге и адреналину, чувствуя, как ветер рвёт волосы, а мир сжимается до узкой полосы асфальта, по которой она летела, будто пытаясь обогнать саму себя.

Намотав кругов десять, почувствовала лёгкость — ту самую, которая приходит, когда тело устаёт, а мысли наконец-то перестают кружиться в бесконечном хороводе. На смену обиде и злости пришла пустота — не страшная, а ровная, гладкая, как поверхность остывшего озера.

Как будто чего-то не хватало, но в душе теплилась надежда, что через пару дней всё пройдёт. Может, просто привыкла к его присутствию. Невозможно скучать вечно по незнакомому человеку.

Переведя дух, сделала музыку тише и собралась ехать домой. Развернула машину в сторону выезда, и сердце пропустило удар — резкий, болезненный, как укол, — но почти сразу пустилось в галоп, стуча в висках, в кончиках пальцев, во всём теле, которое вдруг стало слишком чувствительным. На выезде стояла машина. Даже в темноте было видно, что это полицейская машина — её силуэт выделялся на фоне сумерек, строгий, угловатый, как предупреждение.

— Чёрт, чёрт, чёрт! — била Кира руками по рулю, и каждый удар отдавался в ладонях тупой болью, которая только подстёгивала злость на саму себя. — Теперь мне не отвертеться. Какая же я дура! Как можно было так подставиться?! Я сама сдала себя с потрохами!

Недолго думая, поехала в их сторону. Решила принять наказание, каким бы оно ни было. Вечно бегать и прятаться — не выход, а бесконечный круг, из которого рано или поздно всё равно придётся выйти. Остановив свою машину напротив, вышла. Навстречу Кире шёл следователь с победной улыбкой — лёгкой, едва заметной, но от этого ещё более неприятной, потому что в ней читалось: «Я знал, что ты придёшь».

— Здравствуйте, Черникова Кира Викторовна! — официально начал мужчина в погонах, и его голос прозвучал как приговор, сухой и беспристрастный.

— Добрый вечер, — обречённо отозвалась девушка, и в этом «добром вечере» не было ни тепла, ни надежды — только признание того, что игра закончилась.

— Как же вы могли нам так нагло врать? Теперь разговаривать будем в участке, под протокол.

— Хорошо, — сразу согласилась Кира. — Я могу доехать на своей машине?

— Наблюдая за тем, что вы делаете на дороге, боюсь, вы можете сбежать.

— Я это уже могла сделать, — она махнула рукой в противоположную сторону, где в сумерках едва угадывался ещё один выезд. — Там есть ещё один выезд. Если бы хотела, то не подъехала к вам.

— Ну, хорошо. Я вам поверю, — с сомнением всё же согласился полицейский, и в его голосе прозвучала не столько вера, сколько усталость от бесконечных попыток разгадать, кто перед ним: жертва, сообщница или просто женщина, которая слишком сильно запуталась.

Он вернулся к своей машине, девушка села в свою и направилась за полицейской машиной, чувствуя, как каждый метр приближает её к чему-то неизбежному. Быстро набрала номер Андрея.

— Привет, ты где? — заговорила быстро, как только он ответил на звонок, её голос дрожал, но она старалась держать его ровным, чтобы не выдать, насколько ей страшно.

— В баре. А что? — друг был расслаблен, и этот контраст между его спокойствием и её паникой только усиливал напряжение.

— Можешь выйти к дороге, только сильно не отсвечивай.

— А что случилось? У тебя проблемы? — обеспокоился парень, и в его вопросе прозвучала та самая искренняя забота, которая иногда бывает дороже любых обещаний.

— Нет времени объяснять. Я кое-что выкину. Заберёшь на хранение. Сам не звони, позвоню, как смогу. Выходи, я скоро буду, — бросила трубку, не дожидаясь ответа, потому что знала: Андрей поймёт. Он всегда понимал.

Достала из сумочки пачку денег, оставленную Женей. Открыла пассажирское окно, и ветер ворвался внутрь, холодя лицо, будто пытаясь остудить её мысли. Поравнявшись со съездом к бару, выкинула пачку в окно. В зеркало заднего вида заметила высокую худощавую фигуру друга — он шагнул из темноты, поднял пачку и сунул за пазуху, даже не взглянув на неё, как будто делал это каждый день.

С облегчением выдохнула и продолжила путь. Подъехав к участку, закрыла машину и покорно пошла за следователем. «Игорь Олегович Самойлов», — прочитала она на табличке, на двери. Буквы были чёрными, строгими, и от них веяло чем-то окончательным, как от подписи в документе, который нельзя оспорить. Мужчина сел за стол, открыл папку и достал несколько листов бумаги. Положил перед собой, взял ручку и посмотрел на Киру — не враждебно, не сочувственно, а просто внимательно, как человек, который привык видеть людей в моменты, когда они теряют контроль над своей жизнью.

— Присаживайтесь, Кира Викторовна, — рукой указав на стул. — Рассказывайте.

— Что рассказывать? — спросила, присаживаясь, и голос её прозвучал непривычно тихо, как будто стены кабинета поглощали все лишние звуки, оставляя только самое важное.

— Как помогали преступнику. Как участвовали в убийстве двух человек.

— Я не участвовала в убийстве! — задохнулась от возмущения она, и в этом крике прозвучала не только обида, но и страх — тот самый, который появляется, когда понимаешь, что твои слова могут стать приговором. — Те люди поступили к нам. Я оперировала одного. — Самойлов стал записывать, и скрип ручки по бумаге звучал в тишине кабинета особенно громко, как царапанье когтей по стеклу. — После борьбы за его жизнь мужчина впал в кому и ночью всё же скончался. Я тяжело переношу смерть на работе. Иногда, чтобы отвлечься, катаюсь на той дороге за городом. Где вы меня нашли сегодня. В тот день на душе было тяжело, и я поехала кататься. Увидела несколько патрульных машин, решила посмотреть, что произошло. По пути передумала, съехала, чтоб развернуться. Тогда этот бандит и запрыгнул ко мне в машину. Угрожая пистолетом, заставил скрываться от полиции. Я боялась, что он меня пристрелит. Когда мы оторвались, я высадила его в городе. Перед уходом он сказал, что если расскажу про него, то найдёт и убьёт. Вот и всё. Я боялась, поэтому молчала.

— Где он вышел? — уточнил Игорь Олегович, записывая показания, и в его взгляде не было ни недоверия, ни сочувствия — только холодная сосредоточенность человека, который собирает детали, чтобы сложить из них картину.

— На улице Пушкина у магазина продуктов, — ответила, не думая, потому что эта деталь была настоящей, и в ней не было нужды врать.

— И больше вы его не видели?

— Нет.

— Собирайтесь. Мы проведём полный обыск вашей квартиры и автомобиля.

— Хорошо, — девушка покорно встала, и в этом согласии не было капитуляции — только понимание, что сопротивляться сейчас бесполезно.

Несколько человек перешерстили её машину, до последней пылинки, заглядывая в каждую щель, в каждый карман, будто искали не улики, а саму суть её вины. Потом приехали в квартиру и перевернули её вверх дном — ящики из тумбочек и шкафов были вытащены, вещи разбросаны, посуда на кухне стояла на столах, паласы завернуты, картины сняты, вся мебель отодвинута от стен. Квартира выглядела как после шторма — как дом, который пережил бурю, но ещё не знает, сможет ли восстановиться.

Когда ничего не нашли, взяли подписку о невыезде. И уже в пороге Игорь Олегович обернулся и заговорил:

— Остапенко — самый разыскиваемый из всех. Мы гоняемся за ним уже пять лет. На его счету более двух десятков трупов. Некоторые — с жуткими следами пыток. Ему грозит пожизненное. И если выяснится, что вы его покрываете, сядете вместе с ним за пособничество лет на десять.

Закрыв дверь, Кира упёрлась в неё лбом — холодный металл слегка остужал пылающую кожу, но не мог остудить мысли, которые метались в голове, как испуганные птицы в тесной клетке. Не в силах поверить, что парень, который был так нежен, мог быть способен на такую жестокость — на убийства, на пытки, на то, чтобы ломать чужие жизни, как сухие ветки.

Прошла в гостиную и села на диван, медленно обводя взглядом результаты обыска. Повсюду валялись вещи, и каждая деталь — скомканная футболка, перевёрнутая чашка, сдвинутая картина — кричала о вторжении, о том, что её личное пространство было нарушено, и теперь она не знала, как вернуть ему прежний уют. Как теперь всё это ставить на место? Шкаф и комод в спальне были тяжёлыми, и мысль о том, чтобы двигать их, казалась невыносимой. Желания наводить порядок не было — только усталость, густая и тяжёлая, как мокрый песок, который налипает на ноги и не даёт идти дальше. Уже середина ночи, а завтра на работу. Тяжело вздохнув, Кира пошла спать. Плюхнулась на постель прямо в одежде, чувствуя, как ткань царапает кожу, и закрыла глаза, надеясь, что сон придёт быстро и заберёт её туда, где нет ни полиции, ни обысков, ни воспоминаний о Жене.

Последующие три дня были тихими — не спокойными, а именно тихими, как бывает в доме, где все стараются не шуметь, чтобы не разбудить чью-то боль. Работа, дом — всё шло по привычному расписанию, но теперь в каждом движении чувствовалась осторожность, как у человека, который ходит по тонкому льду и прислушивается к каждому треску. На гонки ездить боялась, дабы не доставлять проблем остальным. Гоняться на деньги было незаконно, но объясниться с Андреем надо. Решила встретиться с ним в баре. Позвонила, договорилась о встрече.

— Привет, — обняла она друга, и в этом объятии было столько тепла и благодарности, что на мгновение все страхи и тревоги отступили, спрятались в тень, где им и место.

— Ну, рассказывай. Что за проблемы с ментами? — улыбнулся дружески он, и в этой улыбке было столько искренности, что Кира почувствовала, как внутри что-то расслабляется, как узел, который наконец-то поддаётся.

И Кира выложила всё как есть, на чистоту, не утаив ни одной детали, разве что о сексе умолчала — не потому что стыдилась, а потому что это было слишком личным, слишком хрупким, чтобы смешивать с протоколами, обысками и угрозами.

— Вот это детективные страсти. Мы тогда тоже очконули. Думали, по нашу душу. Все машины заглушили, — вдруг сменил он тему, и в этом переходе от серьёзного к будничному было столько обычного человеческого тепла, что Кира улыбнулась впервые за несколько дней. — Что думаешь делать?

— Жить как раньше. Если получится, — ответила она, и в этих словах прозвучала не уверенность, а надежда — тихая, осторожная, как первый росток, который пробивается сквозь асфальт. — Деньги положи в камеру хранения на вокзале. Номер и код сбрось СМСкой. Пока не хочу их светить, вдруг за мной следят. А если срочно понадобятся, так тебя не подставлю.

— Ок, — Андрюха был понятливым и не задавал лишних вопросов, и за это Кира была ему благодарна больше, чем могла выразить словами. — Сколько планируешь не участвовать в заездах?

— Пока не знаю. Буду кататься одна, чтоб форму не терять. Ты мне кидай день и время сообщением, чтоб не пересечься. Вдруг всё-таки следят.

— Ладно. Но если будет тоскливо, звони. Всегда можно пересечься в баре, — улыбнулся друг, и в этой улыбке было столько простого, надёжного тепла, что на сердце стало чуть легче.

— Так и поступлю. Прожив почти четверть века, ты единственный, кому я доверяю, — ничуть не лукавила она, и в этих словах была вся её правда — не громкая, не героическая, а простая и настоящая.

— Приятно слышать, — с лучезарной улыбкой промурлыкал Андрей, и в этот момент всё казалось не таким уж безнадёжным — потому что рядом был человек, который не осудит, не станет читать нотации, а просто посидит рядом, пока буря внутри не уляжется.

ГЛАВА 5

Кира.

Прошёл месяц, и всё стало забываться — не сразу, а медленно, как тает последний снег: сначала исчезают острые края, потом сглаживаются детали, и наконец остаётся только ровная, чуть влажная поверхность, на которой не осталось ни следа. Перестало казаться, что за ней следят, что каждый прохожий, оборачивающийся вслед, — это переодетый полицейский, что каждая машина, слишком долго едущая параллельно, — это хвост. Только странное предчувствие не покидало — оно жило где-то под рёбрами, тупое, ноющее, как старая травма, которая ноет к непогоде. Должно было что-то произойти, и это ожидание — неясное, беззвучное, но постоянное — тянуло изнутри, как нить, которую кто-то держит на том конце и медленно наматывает на палец.

Периодически снились кошмары — не цветные, а серые, мутные, как старая киноплёнка, на которой стёрлись яркие краски. То её убивают — и она просыпалась с пересохшим ртом и ощущением пистолетного дула у виска, которого уже не было. То сажают в тюрьму — и камера снилась ей такой реальной, что она просыпалась и несколько секунд не могла понять, где находится, хватаясь рукой за простыню, будто искала решётку. Бессонные ночи сказывались на работе — руки, которые раньше держали скальпель с точностью ювелира, теперь мелко дрожали, и каждый раз, когда она брала инструмент, в животе сжималось от страха: а вдруг дрогнут в самый ответственный момент? Главврач стал делать замечания — сначала мягко, потом жёстче, и в его голосе звучала не злость, а усталость человека, который видел, как хороший врач медленно разваливается на глазах. Грозился уволить, и в этих угрозах была не прихоть, а констатация: хирург с трясущимися руками — это не хирург, это угроза для пациентов. Чтобы этого не произошло, взяла отпуск. Купила успокоительное и снотворное — маленькие белые таблетки, которые обещали тишину, обещали сон без сновидений, обещали хоть на несколько часов забыть обо всём. Во время работы такие препараты запрещены, но в отпуске можно, и Кира глотала их с тем же спокойствием, с каким утром глотает кофе, — не для удовольствия, а для того, чтобы прожить ещё один день.

Поздним вечером решила расслабиться перед телевизором. Включила романтическую комедию — лёгкую, нелепую, с красивыми людьми и предсказуемым сюжетом, где все проблемы решались объятием и закадровым смехом. На середине фильма стало клонить в сон — веки наливались свинцом, и каждый миг, проведённый с открытыми глазами, казался маленькой победой над таблеткой, которая уже начала своё дело. Пыталась держать глаза открытыми, борясь с собой, как пловец, который чувствует, что течение уносит его, но ещё цепляется за камень на дне. Решила стойко досмотреть фильм — проявить хоть каплю той упрямости, которая когда-то делала её сильной. В дверь позвонили.

— Кого это принесло в такое время? — удивилась она, и звонок прозвучал резче обычного, словно кто-то не просто нажал кнопку, а ударил по ней кулаком. — Может, бабе Маше опять плохо?

В последнее время соседка часто жаловалась на давление и приходила за помощью — мелкой, бытовой, но всегда с таким выражением лица, будто дело касается жизни и смерти. Отставив в сторону миску с чипсами, пошла к двери. Открыла, не посмотрев в глазок, ожидая увидеть старенькую соседку — маленькую, суетливую, в вязаной кофте, которая пахла нафталином и валокордином.

— Нееет! — протянула Кира, закрывая дверь, но просунутая в щель нога не дала этого сделать — тяжёлая, в чёрном ботинке, она встала между дверью и косяком, как клин, который невозможно выбить. — Зачем ты пришёл?

Открыла дверь шире, понимая, что избавиться от нежданного гостя не получится. Евгений шагнул в квартиру и привалился к стене — не небрежно, не устало, а так, как человек приваливается к чему-то, когда ноги больше не держат. Его лицо было серым, почти воско-

вым, и в тусклом свете коридорной лампы казалось маской, надетой на того, кто когда-то был живым. Закрыв дверь, девушка набросилась на парня с кулаками.

— Зачем ты снова появился! — возмущалась она, хаотично колотя его в грудь, и каждый удар звучал глухо, будто била не по телу, а по стене, за которой кто-то прятался. — Только всё стало налаживаться!

Парень морщился, но стойко сносил побои, хотя они не могли причинить ему такую боль, какую выдавало его лицо — искажённое, измученное, с проступившими на лбу каплями пота, которые блестели в свете лампы, как роса на холодном камне.

— Что ты так корчишься? — девушка застыла, занесённый кулак замер в воздухе, а потом расстегнула куртку на Евгении. Синяя футболка была в багровых пятнах — тёмных, расплывшихся, как акварельные пятна на белой бумаге, только не такие красивые, а страшные, потому что каждое из них означало: внутри что-то разорвано, что-то течёт, что-то уходит. — Только не это, — растерянно прошептала Кира, и в этом шёпоте не было ни злости, ни обиды — только страх, голый и холодный, как ветер, который вдруг задул в открытую дверь.

Взяв парня за руку, подвела к кровати в спальне. Он шёл тяжело, пошатываясь, и каждый его шаг отдавался где-то в груди коротким, сдавленным стоном, который он пытался заглушить, стиснув зубы. Схватив за воротник, стянула куртку — та сползла с его плеч с тихим шелестом, обнажив руки, покрытые гусиной кожей от холода и потери крови. Заметив на левом предплечье сзади такие же багровые пятна. Пуля прошла на вылет — это неплохо, отметила она, и мысль эта пронеслась мгновенно, автоматически, как у хирурга, который видит рану и сразу оценивает: входное, выходное, повреждение тканей, глубина, риск. Тело вспомнило профессию раньше, чем сердце успело испугаться.

— Ложись на кровать, — парень стал укладываться с тихими стонами, и каждый его вздох был рваным, поверхностным, словно он боялся дышать полной грудью, потому что каждое движение ребер отзывалось где-то внутри острой, режущей болью. Девушка собирала всё необходимое — чемоданчик, полотенца, антисептик, — и руки её, которые весь месяц тряслись от бессонницы и страха, вдруг перестали дрожать, обрели ту самую твёрдость, которая приходит только тогда, когда от тебя зависит чья-то жизнь.

Разрезала футболку вдоль и отогнула в стороны. Ткань расходилась с тихим треском, и под ней обнажалось тело, которое выглядело так, будто побывало в жерновах: ссадины, гематомы, и три раневых отверстия — тёмных, воспалённых по краям, с запёкшейся кровью, которая уже начала чернеть. Увиденное повергло её в шок — не от вида крови, к которому она привыкла, а от осознания того, как тонка грань между жизнью и смертью и насколько этот человек оказался близко к последней. Три пулевых ранения. Одно на вылет в левом предплечье — кость не задета, мышцы повреждены, но это меньшее из зол. Второе так близко к сердцу, что казалось, должно было попасть в него, но тогда Женя вряд ли подавал бы признаки жизни. Третье должно было задеть правое лёгкое, но видимых признаков его повреждения нет.

— Я введу тебе наркоз. Я не смогу работать при местном. Тут всё очень серьёзно, я вообще удивлена, что ты ещё жив, — выговаривала, качая головой, и в её голосе звучала не жалость, а профессиональное изумление — то самое, которое приходит, когда видишь пациента, который по всем законам медицины должен лежать в морге, а вместо этого смотрит на тебя и дышит.

— Делай что нужно, я тебе доверяю, — болезненным и тихим голосом хрипел мужчина, и в этом хрипе, в этой хриплой готовности отдать себя в чужие руки, было больше доверия, чем во всех словах, которые он мог бы произнести, будучи здоровым.

— Да неужели?! — поддела Кира мужчину, и в этом сарказме прозвучала вся её обида — не за пули, не за перестрелки, а за записку, за молчание, за месяц пустоты, который она заполняла таблетками и кошмарами.

Вколов наркоз, Женя отключился — медленно, будто погружался в тёмную воду, и последним, что он видел, было лицо Киры, склонённое над ним, с серьёзными, сосредоточенными глазами, в которых не осталось ни обиды, ни злости, только работа, только задача, только жизнь, которую нужно было удержать. Кира минуту раздумывала, с чего начать. Начала с третьего — с того, что пугало больше всего. Боялась: если лёгкое повреждено или повредится в процессе, дома она не сможет ему помочь. Так что лучше устранить пулю первой. Сделав надрез и убрав лишнюю кровь, поразилась, насколько он счастливчик — пуля остановилась в паре миллиметров от лёгкого, замерла в плоти, как заноза, которая чуть-чуть не дошла до сердца дерева. Извлекла её и зашила, и каждый стежок ложился ровно, точно, как линия на карте, которая ведёт обратно к жизни.

Приступив ко второй ране. Так же надрезав и убрав кровь, взяла пинцет. Провозившись пятнадцать минут, пуля не поддавалась — сидела глубоко, как жук, вцепившийся в дерево, и каждый раз, когда Кира пыталась ухватить её, она ускользала, проваливалась глубже, будто живая. Крови становилось всё больше, затрудняя обзор, и тёмная, густая жидкость заливала рану, превращая работу в попытку что-то найти на дне мутного озера. Чертовски не хватало ассистента — человека, который держал бы отсос, оттягивал ткани, подавал инструменты, — но рядом была только она, тихая квартира и тихое дыхание человека, который спал и не знал, что его жизнь висит на волоске, а этот волосок держит тонкая рука с пинцетом. Быстро поставив капельницу с физраствором, продолжила попытки извлечь инородный металл. Спустя ещё полчаса всё же удалось — пуля вышла из раны с тихим, влажным звуком, и Кира положила её на полотенце рядом с двумя предыдущими: три маленьких, деформированных куска свинца, каждый из которых мог стать последним, что он увидел в жизни. Но Евгений был сильно бледным — нехватка крови сказывалась сильно, и его лицо стало почти бумажным, с синеватыми тенями под закрытыми глазами, словно кто-то провёл по ним углём. Быстро зашив ранение на предплечье, разрезала рукав футболки и стала переворачивать парня, чтобы зашить на спине.

— Какой же ты тяжелый, — ворчала она, прикладывая неимоверные усилия для достижения цели, и его тело поддавалось неохотно, как будто даже во сне не хотел облегчить ей задачу, цепляясь за постель, за реальность, за жизнь.

Всё же, уложив его на живот, закончила со швами — последний стежок, последний узел, и она выдохнула так, будто сама держала дыхание все эти полтора часа. Кое-как вернула Женю на спину, и его голова откинулась на подушку, а лицо — бледное, неподвижное — казалось маской, с которой смыли все чувства. Пульс был критично медленным — тонкая, едва ощутимая нить, которая вот-вот могла оборваться. Ему требовалась кровь. Но какая? Судорожно прокручивая все возможные варианты, пришла к единственному, верному. Решила перелить свою собственную, так как она универсальная — первая группа, кровь, которая подходит всем, единственный дар, который она могла дать, не задавая вопросов и не требуя ответов. Быстро соорудив из капельниц устройство для прямого переливания, поставила иглу парню, потом себе и легла рядом — на ту же подушку, бок о бок, и в этой близости не было ни романтики, ни интимности, только древний, звериный жест: один человек делился с другим тем, без чего нельзя жить.

Почувствовав прикосновение к своей руке, открыла глаза.

— Черт! — выругалась она, резко вытаскивая иглу из своей руки, и капля крови выступила на коже, маленькая, яркая, как точка в конце предложения, которое чуть не закончилось совсем иначе.

Бросила беглый взгляд на часы. Она уснула. Пусть ненадолго, но всё-таки уснула — таблетка, которую она выпила вечером, сделала своё дело, и это могло стоить ей жизни. Привстала и вынула иглу из руки Евгения, прижав ватой место укола.

— Как ты себя чувствуешь? — осведомилась у пациента, и в её голосе звучало не только профессиональное любопытство, но и что-то похожее на страх — страх перед тем, что она могла не успеть, что её тело подвело её в тот момент, когда оно было нужнее всего.

— Не так уж плохо, — голос был значительно лучше — не хриплый, не рваный, а почти ровный, и в нём звучала та самая нотка, которую Кира слышала только однажды, в ту ночь, когда он сказал «спасибо». — Как ты узнала, какая кровь мне нужна?

— Я и не знала, просто моя универсальная. Принести воды?

— Если можно.

Девушка встала, но уже в дверях почувствовала себя плохо — мир наклонился, стены качнулись, и пол под ногами стал мягким, ненадёжным, как палуба корабля в шторм. Голова закружилась, и Кира вцепилась в косяк, чувствуя под пальцами прохладное дерево, которое было единственной твёрдой опорой в поплывшем вокруг мире.

— Тебе плохо? — послышался озабоченный голос, и в нём прозвучала та самая тревога, которую она не ожидала услышать от человека, который, по словам следователя, оставил за собой более двух десятков трупов.

— Лежи, не вставай. Сейчас пройдёт, — повернула голову в сторону кровати, и лицо её было бледным, но спокойным — не от бесстрашия, а от привычки терпеть. — Я уснула и потеряла крови больше, чем надо.

Собравшись с силами, дошла до кухни. Налила стакан воды, а себе бокал красного вина — тёмного, густого, цвета, который слишком напоминал то, чем она только что делилась. Вернулась в комнату и присела на край постели, помогая Евгению пить — медленно, маленькими глотками, придерживая его голову, как делают с теми, кто слишком слаб, чтобы держать её сам. Прислонившись к изголовью кровати, медленно потягивала вно, и тепло разлилось по телу, мягкое, обволакивающее, возвращая ощущение, что она всё ещё здесь, всё ещё жива, всё ещё может чувствовать.

— Ты родился под счастливой звездой. Два ранения, которые могли убить тебя, буквально самую малость не достигли цели, — выдала с задумчивым взглядом, и в её глазах читалось то, что она не произнесла вслух: «А может, не звезда это, а что-то другое. Может, кто-то наверху решил, что тебе ещё рано».

— Я бы и так умер, если бы не ты, — он посмотрел ей в глаза, и в этом взгляде не было ни пустоты, ни стали, ни той пугающей отстранённости, которая преследовала её в воспоминаниях. Только благодарность — тихая, неловкая, как у человека, который не привык просить и не умеет принимать. — Спасибо тебе за всё. Мне не расплатиться с тобой до конца жизни.

— Это точно, — улыбнулась Кира, и в этой улыбке было всё: и обида, и нежность, и усталость, и то странное, необъяснимое чувство, которое не имеет названия, но которое заставляет возвращаться к одному и тому же человеку снова и снова, зная, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Глядя на мужчину, девушка почувствовала спокойствие — не разумом, который кричал, что начнутся новые проблемы, что полиция не дремлет, что враги не спят, а чем-то более глубоким, иррациональным, тем, что живёт не в голове, а в груди. Мозгами понимая, что начнутся новые проблемы. Но почему-то на душе было так спокойно и тепло, словно вернули что-то дорогое, что забрали месяц назад, и теперь оно снова здесь — тёплое, живое, дышащее рядом.

— А что с мебелью? — спросил вдруг парень, вырывая её из размышлений, и вопрос прозвучал так буднично, что Кира на секунду растерялась — будто он спросил о погоде, а не о разгромленной квартире.

— Обыск проводили. Они следили за мной и увидели на треке.

— У тебя из-за меня проблемы? — печально изрёк он, и в его голосе прозвучало что-то, чего она не слышала от него раньше: вина. Не раскаяние — он, кажется, был не из тех, кто раскаивается, — а именно вина, тяжёлая, давящая, как камень, который положили на грудь.

— Уже нет. Но, наверное, скоро снова появятся, — пожала плечами, и в этом пожатии была не бравада, а усталость человека, который устал удивляться.

— Я утром уйду, — твёрдо пообещал Евгений, и в этом «твёрдо» прозвучало столько решимости, что Кира почти поверила — почти, но не до конца, потому что уже знала его достаточно, чтобы понимать: его решения имеют свойство рассыпаться, как песок сквозь пальцы.

— Это вряд ли. Но если всё же решишься, то уйдёшь недалеко, и сомневаюсь, что останешься жив. Тогда моя работа и жертва крови будут напрасны, — не отговаривала, а просто обрисовывала ближайшее будущее, и в каждом слове звучала та спокойная, неопровержимая логика, с которой невозможно спорить, потому что она построена не на чувствах, а на фактах: три пули, потеря крови, швы, которые ещё не зажили.

Воцарилось молчание — не неловкое, не враждебное, а просто тишина, в которой двое людей лежали рядом и слушали дыхание друг друга, и в этом было больше близости, чем в любых словах.

— Ладно, надо ложиться спать и набираться сил, — нарушила молчание Кира, встала, выключила свет, и комната погрузилась в темноту, мягкую, бархатную, в которой контуры вещей растворялись, а звуки становились отчётливее. Легла на постель, и усталость накрыла её, как тяжёлое одеяло, — мгновенно, безраздельно.

Утро наступило непомерно быстро — будто кто-то украл часть ночи, вырезал её ножницами и склеил края так, что рассвет начался сразу после полуночи. Варила куриный бульон и думала. Плохое предчувствие не покидало её всё утро — оно висело где-то за спиной, как тень, которая не отбрасывается ничем, но чувствуется кожей. Если Евгений снова был замечен в перестрелке, то к ней могут наведаться с проверкой. Как этого не допустить? Взяв телефон, набрала номер друга.

— Привет. Занят сегодня?

— Да не особо.

— Нужна помощь. Можешь приехать как можно быстрее.

— Хорошо, скоро буду, — без лишних слов ответил Андрей, и в этих трёх словах была вся его ценность как друга: не «зачем», не «что случилось», не «может, потом» — просто «скоро буду», как будто это было само собой разумеется, как будто так было всегда.

Налила бульон в тарелку, взяла ложку и прихватила стеклянную банку. Направилась в спальню, кормить больного.

— Вот банка, вместо больничной утки, — поставила у кровати, и в этой бытовой детали была вся surrealность ситуации: хирург оперирует преступника на собственной кровати, а вместо медицинского оборудования — стеклянная банка и кухонная тарелка. — Лежишь здесь и не встаёшь. Что бы ни случилось. Хоть табун полицейских — лежишь и всё. Понятно? — последние слово она выделила особенно, и в этом «понятно» звучала не просьба, а приказ — тот самый тон, который она умела находить, когда жизнь зависела от послушания пациента.

Докормив с ложечки парня — он ел медленно, морщась, потому что каждый глоток отдавался где-то в груди тупой болью, — собралась встать, как раздался дверной звонок. У Евгения округлились глаза, он дёрнулся — резко, инстинктивно, как зверь, который слышит шаги за стеной норы. Чуть придавив его к постели, Кира заговорила.

— Лежи спокойно. Это ко мне. Сюда никто не войдёт. Главное — лежи и не дёргайся.

Забрав тарелку, девушка пошла открывать, прикрыв дверь в спальню, и в этом жесте — закрытая дверь между миром, где лежал раненый преступник, и миром, где стучал в дверь закон — была вся её жизнь последних недель: два мира, которые не должны были пересечься, но упорно сталкивались в одной маленькой квартире.

— Привет, проходи на кухню, — пригласила друга, махнув рукой, и её голос звучал почти буднично, будто ничего не произошло, будто за закрытой дверью не лежал человек, за которым охотилась вся полиция города.

— Ну что на этот раз? — поинтересовался Андрей, присаживаясь за стол, и в его вопросе звучала не усталость, а привычка — привычка к тому, что его подруга постоянно попадает в ситуации, от которых у нормального человека поседели бы волосы.

— Всё то же, — вздохнула грустно, и в этом вздохе была не жалость к себе, а усталость Сизифа, который снова смотрит на камень, который нужно тащить в гору.

— Как? Они до сих пор не отстали? — выпучил он глаза.

— Отстали, только что-то подсказывает, что могут пристать по новой, — усмехнулась, кинув быстрый взгляд в сторону спальни, и в этом взгляде, мимолётном, почти незаметном, Андрей, если бы поймал его, прочитал бы всё.

— Ты ещё что-то натворила? — улыбался Андрей, и в его улыбке была та лёгкость, которая бывает только у людей, которые не подозревают, насколько всё плохо на самом деле.

— Не я, но могут прийти ко мне с проверкой. Удивлена, что ещё не пришли.

— Ну, придут и что? — пожал плечами парень, и в этом пожатии была та беззаботность, которая либо от мужества, либо от непонимания, и Кира не знала, что из двух.

— Он в спальне, — махнула рукой она, и воздух на кухне стал вдруг густым, тяжёлым, как будто кто-то выключил вентиляцию и оставил их обоих в герметичной комнате.

— Что?! — громко воскликнул Андрей, и от его восклицания вздрогнула не только Кира, но и, кажется, стены.

— Да тише ты, не ори. Он и так дёрганый, — кинулась к другу, закрывая рот рукой, и её ладонь ощутила тепло его дыхания, быстрого, прерывистого.

— Зачем ты его впустила? — искренне не понимал он, и в его глазах читалось не осуждение, а неподдельное изумление человека, который смотрит, как его подруга сама идёт по тонкому льду и даже не пытается остановиться.

— У меня не было выбора, он ранен. Очень серьёзно. Я полночи его штопала, — спокойно поясняла Кира, и в этом спокойствии было столько стоицизма, что Андрей замолчал, потому что понял: спорить бесполезно, она уже всё решила.

— Ты сумасшедшая, — не успокаивался друг, но голос его стал тише, и в нём звучало не возмущение, а страх — не за себя, а за неё.

— Знаю. Даже догадываюсь, что это выйдет мне боком. Но я не могла по-другому. Я врач, и это мой долг, — и в этих словах было столько простой, неопровержимой правды, что спорить с ней было всё равно что спорить с дождём.

— Ага, — засмеялся парень, но смех вышел натянутым, нервным. — Вот когда тебя будут судить, так и скажешь в последнем слове: «Я давала клятву лечить всех нуждающихся», — горькая усмешка пробежала по его лицу, и в ней была не насмешка, а боль — та самая, которую чувствуешь, когда видишь, как человек, который тебе дорог, идёт к краю и не хочет останавливаться.

— Не смешно, — огрызнулась она, повысила голос, и в этом повышении прозвучала не злость, а защита — последняя линия обороны, за которой скрывалась её неуверенность в том, что она делает правильно.

— А я и не шучу, — вдруг стал он сама серьность, и лицо его, обычно открытое, смеющееся, стало жёстким, собранным. — Так, а я тебе зачем? — сразу перешёл к делу, и в этом переходе была вся его ценность: не нудел, не читал нотаций, просто спрашивал, что делать.

— Как всегда — прикрывать тыл, — опустилась на соседний стул, и в этом жесте была просьба — не приказ, не требование, а именно просьба, тихая, честная. — Если откажешься, я пойму. Не хотелось втягивать тебя, но у меня больше никого нет.

— Ты же знаешь, я своих в беде не бросаю, — подумав, продолжил, и в этих словах не было пафоса — была простая, неуклюжая правда, которая не нуждалась в украшениях. — Звучит заманчиво. Есть какие-то мысли?

— Несколько, но самые гениальные появляются обычно перед полным крахом.

— Это как со шкафом и бельём? Я тогда знатно поржал, — начал вновь веселиться он, и в этом переходе от серьёзного к весёлому была вся его суть: умение держать удар и тут же находить в ситуации что-то, за что можно зацепиться смехом.

— Я помню. На нас весь бар косяка давил. Будет что-то подобное. Если всё получится, вместе посмеёмся, — обиженно выговаривала девушка, но в уголках её губ уже пряталась улыбка, которую она пыталась спрятать и не могла.

— Прикольный халатик, — теребя край халата, игриво говорил Андрей, и в этой игривости была его попытка разрядить напряжение, которое повисло на кухне, густое и вязкое, как кисель.

— Если всё обойдётся, подарю, — улыбнулась Кира.

— Нее, он мне не пойдёт, — лукаво подмигнул он, и от этого подмигивания стало чуть легче, будто кто-то приоткрыл окно в душной комнате.

Попили чай, девушка помыла посуду, и они перебрались в гостиную. Включили телевизор и расположились на диване — рядом, но не слишком, как два человека, которые знают друг друга достаточно, чтобы молчать вместе.

— Ты вообще уверена, что они придут? — спустя час всё же спросил Андрей, и в этом вопросе звучала не критика, а тихая надежда: может, пронесёт, может, зря они тут сидят, может, всё уже позади.

— Нет, но не исключаю такой возможности.

— И сколько будем ждать? — продолжал расспрос, и в его голосе слышалось нетерпение, которое он пытался скрыть за невозмутимостью.

— Дня два-три, — серьёзно ответила Кира, и в этих «двух-трёх» днях звучал приговор его планам, его свободе, его привычке жить легко и без обязательств.

— Сколько?! — поразился Андрей. — Ты предлагаешь поселиться у тебя?

— Подумываю над этим.

— О таком надо заранее предупреждать, я бы вещи захватил, — обиженно ответил парень, и в этой обиде было столько детского, неподдельного, что Кира невольно улыбнулась.

— Ну, сегодня уж как-нибудь об… — в дверь позвонили. Кира вскочила, и в этом вскоке было всё: страх, решимость, отчаяние — всё, что накопилось за месяц, выплеснулось в одно мгновение. — Раздевайся! — прошептала она.

— Что?! — так же шёпотом говорил парень, и его глаза расширились, как у человека, которому только что предложили прыгнуть с парашютом без парашюта.

— Быстро, чтоб был в одних трусах и вещи раскидай.

Она пошла открывать, а Андрей стал быстро раздеваться — торопливо, кое-как, рубашка полетела на спинку кресла, джинсы — на пол, и в его движениях было столько лихорадочной скорости, что, если бы ситуация не была такой страшной, это выглядело бы комично.

Открыв дверь, перед её взором предстал Игорь Олегович и ещё двое мужчин — все трое в штатском, серьёзные, сосредоточенные, как три тёмных облака, которые собрались над её порогом и не собирались рассеиваться.

— Здравствуйте. Неожиданно, — со всей любезностью говорила девушка, и её улыбка была такой лучезарной, такой неправдоподобно радостной, что могла бы осветить тёмную комнату, если бы в ней не было так страшно. — Что-то забыли уточнить?

— Мы войдём? — спросил следователь и, не дожидаясь ответа, шагнул к двери, и в этом шаге было столько привычной, уверенной наглости человека с властью, что Кира на мгновение растерялась.

— Вы немного не вовремя. Может, поговорим здесь? — ответила, преградив путь, и её тело, тонкое, хрупкое, казалось недостаточной преградой для трёх мужчин, но она стояла, как стояла, и не двигалась.

Игорь Олегович, схватив её за руку, двинулся в квартиру, и его пальцы сжались на её запястье, жёсткие, как наручники, которые ещё не надели, но уже примеряют.

— Ай! — воскликнула от неожиданности Кира. — Больно же, что вы себе позволяете?

На её крик в пороге коридора появился Андрей.

— Что тут происходит? — недовольно спросил, завёрнутый в простыню, ринулся освобождать Киру из лап мужчины, и в этом ринулся было столько размахнутой, неловкой храбрости, что Кира на секунду почувствовала одновременно и благодарность, и страх — благодарность за то, что он рядом, и страх за то, как это выглядит со стороны. — Вам не кажется, что вы переходите все границы?! — повысил голос Андрей, наконец забрав девушку и задвинув себе за спину, и в этом жесте — спина к спине, как два бойца, вставших плечом к плечу, — было столько необдуманного, отчаянного мужества, что Кира почувствовала, как горло сжалось от нежности.

В пылу небольшой стычки простыня упала к ногам, и теперь парень стоял в чём мать родила — бледный, жилистый, с выражением лица человека, который только что понял, что его план сработал чуть лучше, чем он рассчитывал. Да, да. Трусов на нём не оказалось. Заметив это, Кира залилась краской и уткнулась ему в спину, и его кожа под её лбом была тёплой, чуть влажной от волнения, и от неё пахло чем-то простым, домашним — мылом, кофе, Андреем.

— Вы вообще кто такие?! — громко возмущался парень, и в его голосе звучала не настоящая злость, а отлично сыгранное негодование оскорблённого мужчины, чьё вечернее время с девушкой грубо прервали. — Что вам надо от моей девушки? — вопрос был подходящим, так как все трое были в штатском.

— Майор уголовного розыска Самойлов, — отчеканил Игорь Олегович, показав удостоверение, и в этом «отчеканил» было столько привычной, профессиональной чёткости, что Кира поняла: он не купился, но и не придрался. Пока. — Можно взглянуть на ваши документы? — обратился он к парню.

— Да, конечно, — Андрей нагнулся за простынёй, повязал её на бёдрах — быстро, с ловкостью фокусника, который привык менять костюмы за секунды, — и достал паспорт из куртки, висевшей на крючке. — Вот, пожалуйста, — протянул майору, и его рука не дрожала, и голос не дрожал, и всё в нём говорило: я обычный парень, который пришёл к девушке, а вы ввалились и испортили вечер.

Быстро взглянув на документ, вернул владельцу, и в его взгляде, скользнувшем по паспорту, по лицу Андрея, по приоткрытой двери спальни, читался расчёт: стоит или не стоит.

— Простите, что побеспокоили, — заговорил уже спокойнее Самойлов, и в этом «простите» было не раскаяние, а тактика — шаг назад перед следующим шагом вперёд. — Не могли бы вы подъехать завтра в участок для составления фоторобота? — обратился он к Кире.

— Какого фоторобота? — переспросила девушка, выглядывая из-за плеча Андрея, и в этом жесте — спрятаться за другом, как за щитом — было столько естественной, женской хитрости, что даже она сама не ожидала от себя.

— Евгения Остапенко, — пояснил полицейский, и это имя прозвучало в квартире, как выстрел, — громко, резко, разрывая ту хрупкую иллюзию нормальности, которую они с Андреем только что выстроили.

— Я не могу. Я не знаю, как он выглядит. Он был в маске. Может, поэтому и не тронул меня, — затараторила она, и слова летели быстро, нервно, как горох, рассыпанный по жестяному полу. — А у вас что, нет его фотографии?

— Все архивы он подчистил, — с сожалением ответил Самойлов, и в этом сожалении звучала не жалость к Кире, а профессиональная досада человека, у которого из рук ускользает главный козырь. — Других свидетелей, чтоб описать его внешность, нет. Вы единственная, кто выжил после встречи с ним.

Кира почувствовала, как Андрей напрягся — не вздрогнул, не дёрнулся, а именно напрягся, как тетива, которую натянули, но не отпустили, и она знала, что он сейчас думает: «единственная выжившая» — это звучит как мишень, а не как свидетель.

— Мне жаль, но я не видела его лица, — состроив виноватую гримасу, выдохнула девушка, и в этой гримасе было столько искреннего огорчения, что даже она сама почти поверила в то, что ей жаль.

— Ну, хорошо, — сдался майор, и в этом «хорошо» прозвучало не поражение, а отсрочка — он уходил, но не уходил, он отступал, но чтобы вернуться. — Если вдруг что-то вспомните, любые детали, вы знаете, где меня найти.

Кира кивнула, мужчины покинули квартиру, и она закрыла дверь. Прижавшись к ней спиной, дала волю чувствам и расплакалась — не тихо, не сдержанно, а горько, навзрыд, как человек, который слишком долго держался и наконец позволил себе сломаться. Слёзы катились по щекам горячими, солёными, и каждая из них уносила с собой частицу того напряжения, которое копилось в ней неделями. Андрей подошёл и обнял её.

— Ну, всё, успокойся, всё закончилось, — он гладил её по волосам, и его рука была тёплой, тяжёлой, надёжной, как рука старшего брата, который утешает младшую сестру. — Ты должна быть сильной.

Девушка обняла его в ответ и прижалась щекой к голому торсу, ища поддержки. Лёгкий аромат бриза и теплота его тела успокаивали — не слова, а именно это: тепло чужой кожи, ровное биение сердца под щекой, ощущение, что ты не одна, что рядом кто-то стоит и не уйдёт.

— Спасибо тебе за помощь, — искренне благодарила она, и голос её был ещё влажным от слёз, но уже твёрдым.

— Сочтёмся, — ответил беззаботно, и в этой беззаботности было столько дружеского тепла, что Кира впервые за вечер улыбнулась. — Может, и мне когда-нибудь понадобится, чтоб ты разделась, — лукаво улыбался друг, и от этой шутки, глупой, нелепой, стало легче, будто кто-то открыл окно в комнате, где было слишком душно.

— Теперь можно и посмеяться, — окончательно успокоившись, заговорила Кира, отстраняясь и проходя в гостиную.

— Знаешь, что-то не смешно. Из рассказа смешней, нежели увидеть воочию, — парировал он, пройдя следом и тоже присев на диван, и в его голосе звучала та мягкая, дружеская претензия, которая бывает только у людей, которым можно сказать всё.

— Это сначала, когда отпустит, будет смешнее. Зачем ты полностью разделся? — всё же спросила Кира, и от одного воспоминания её губы дёрнулись в улыбке, которую она уже не могла сдержать.

— Хотел стопроцентно сразить их, — начал улыбаться парень, и улыбка его была виноватой, мальчишеской, как у человека, который сделал что-то безумное и теперь сам не верит, что это сработало.

— Не знаю, как их, а меня сразил точно, — начала хохотать в голос Кира, и смех этот был нервным, истерическим, но настоящим — тем смехом, который приходит после слёз, как солнце после дождя.

— Я такой, — лукаво подхватил Андрей. — А если серьёзно, вся эта стычка у меня десять лет жизни отняла и седых волос добавила.

— А представь, каково мне, — понизила голос девушка, перестав смеяться, и в этом переходе от смеха к серьёзному было столько резкости, что стало ясно: смех был лишь передышкой, а не концом. — Мне пришлось отпуск взять, руки постоянно трясутся, не могу нормально оперировать. Кошмары снятся, не высыпаюсь. Благо, что хоть отпуск дали, а не уволили. Наверное, за прошлые заслуги.

— Слушай, — он перешёл на шёпот, и в этом переходе звучала та интимность, которая бывает, когда человек говорит не то, что хочет услышать собеседник, а то, что считает правдой.

— Завязывала бы ты с благотворительностью. Выпроваживай его и запрети приходить снова. Пусть не портит тебе жизнь.

— Может, ты и прав, — грустно вздохнула она, смотря на дверь спальни, и в этом взгляде было всё: и страх, и нежность, и понимание, что друг прав, и нежелание это признавать.

— Может? — чуть повысил он голос, и в этом «может» звучало столько#.hskого возмущения, что стало ясно: он не просто советует, он умоляет. — Я абсолютно прав. Как бы ты ни хорохорилась, но такая жизнь не для тебя.

— Прошлого не изменить, а забыть тоже невозможно. Я уже по уши погрязла во всём этом, — опустила голову, и в этом жесте было столько беззащитности, что Андрей замолчал, потому что понял: спорить бесполезно — она уже не на той стадии, когда можно развернуться.

— Невозможно, — согласился Андрей. — Но дальше будет только хуже.

— Куда уж хуже? — встрепенулась девушка, и в этом «куда уж хуже» звучала не бравада, а искренний вопрос человека, который не верит, что всё может стать ещё страшнее.

— Поверь, бывает хуже, — как-то туманно отозвался парень, и в этом тумане, в этой недосказанности, было столько тяжести, что Кира почувствовала, как по спине пробежал холодок.

И Андрей был недалёк от истины.

— Я переночую у тебя на всякий случай, а утром уйду.

— Хорошо, — шумно выдохнула она, и в этом выдохе было столько облегчения, что стало ясно: одна она бы эту ночь не пережила. — Поедим.

Андрей кивнул в знак согласия. Кира накрыла на стол, но сама есть не стала — аппетита не было, и каждый кусок вставал бы в горле, как ком. Решила сначала накормить больного. Прошла в комнату, держа тарелку с бульоном в руках. Присела и молча начала кормить — ложка за ложкой, медленно, осторожно, и в этой тишине, нарушаемой только тихим звуком ложки о край тарелки, было больше близости, чем в любых словах.

— Парнишка прав, мне надо уходить, — сглотнув, заговорил Женя, и в его голосе, ещё слабом, ещё хриплом, уже звучала решимость — та самая, которая пугала Киру больше, чем его слабость.

— Куда ты в таком состоянии?

— Мне уже лучше. На мне заживает всё как на собаке. Главное — не буду портить тебе жизнь больше, чем уже испортил.

— Куда уж больше?

— И в этом он был прав, — Евгений кивнул в сторону гостиной, где за стеной слышался приглушённый голос Андрея, и в этом кивке было столько горькой честности, что Кира не нашла, что возразить. — Менты — меньшая из проблем. Если о тебе узнают мои враги… Я даже думать боюсь, что может случиться.

— Не пугай меня ещё больше, — отмахнулась она, но от этого жеста страх не ушёл, а только глубже залёг, как заноза, которую не удалось вытащить.

Поужинав, Кира постелила другу в гостиной на диване и ушла в свою комнату. В сон провалилась мгновенно — сказалась усталость за день, та усталость, которая бывает не от работы, а от слишком долгого пребывания на грани, когда тело и разум перегружены страхом и наконец получают разрешение отключиться.

Проснувшись утром, обнаружила, что в квартире она одна — тишина, которая встретила её, была не привычной, утренней, а пустой, вымытой, как комната, из которой вынесли всю мебель. Набрала Андрея.

— Что, опять проблемы? — без предисловий начал он, и в этих словах было столько привычной, усталой готовности снова броситься на помощь, что Кира почувствовала укол совести.

— Нет. Хотела узнать, когда ты уходил, Евгений ещё был в квартире?

— О, он всё-таки свалил! — порадовался друг, и в его радости было столько искреннего облегчения, что Кира невольно улыбнулась, хотя улыбаться не хотелось. — Умный мужик, одобряю!

— Ну так был? — требовала она ответа, и в этом требовании звучала не тревога, а что-то более глубокое — нежелание верить, что он снова ушёл, снова без слова, снова оставив после себя пустоту, которая echoing в пустой квартире.

— Не знаю. Я в комнату не входил. Тихо собрался и захлопнул дверь.

— Ясно, — обречённо выдохнула девушка, и этот выдох прозвучал в пустой квартире, как последний аккорд, после которого в зале гаснет свет.

— Забей и забудь, — посоветовал друг, и в этом совете было столько простого, здорового смысла, что Кира почти решилась ему последовать. Почти.

— Легче сказать, чем сделать. Он серьёзно ранен, — в голосе слышалось неподдельное беспокойство, и она знала, что Андрей это слышит, и знает, что она знает, и что спорить бесполезно — она уже по ту сторону, где советы не работают.

— Не маленький, сам разберётся. Займись своей жизнью, — давал дельные советы Андрей, и в каждом его слове звучала та забота, которая не умеет быть мягкой и потому бывает жёсткой, как рука, которая трясёт за плечи, чтобы разбудить.

На этом они попрощались.

Последовав совету Андрея, занялась своими делами. Таблетки шли на пользу — маленькие белые кругляши, которые она глотала утром и вечером, как ритуал, как молитву, которая не требует веры, а только дисциплины. Ночью спала без задних ног — глубоко, тяжело, без сновидений, без кошмаров, без того серого, мутного мира, который мучил её неделями. Кошмары мучить перестали, и тело, наконец, получив отдых, стало медленно возвращаться к норме. Днём ходила спокойная, как удав — не безмятежная, а именно спокойная, с той ровной, заторможенной отстранённостью, которая приходит, когда нервная система перегорела и отключила все лишние реакции. Дни были похожи один на другой, как капли дождя на стекле: ела, смотрела телевизор, спала, ела, смотрела телевизор, спала. Набрала пару лишних килограммов — тело, вырванное из адреналиновой мясорубки, начало запасать, как медведь перед зимой, не зная, что весна уже наступила. Пришла к выводу, что остаток отпуска надо провести в движении, чтобы окончательно не заплыть жиром, и это решение — первое за недели, которое было продиктовано не страхом, а заботой о себе, — казалось ей маленькой победой.

Начала с влажной уборки дома — мыла полы, протирала пыль, и в этом простом, механическом занятии было столько терапевтического, что она почти улыбнулась, вспомнив, как хирург в фильме говорил, что лучшее лекарство от депрессии — мытьё посуды. Холодильник изрядно опустел — полки стояли голые, белые, как снежные поля, на которых ничего не растёт. Надо пополнить запасы в ближайшем супермаркете, а вечером развеяться на треке.

Одела светло-голубые джинсы, зелёную рубашку в крупную клетку. Волосы собрала в тугой конский хвост на затылке, и от этого лицо стало свежее, моложе, открытое, без завесы волос, которые обычно скрывали его черты. У выхода запрыгнула в кроссовки, взяла сумку, сняла куртку с вешалки и вышла, захлопнув дверь. Спускаясь по лестнице, надевала куртку на ходу, и каждый шаг звучал в пустом подъезде гулко, чётко, как метроном, отмеряющий возвращение к нормальной жизни.

Выйдя из подъезда, в лицо ударил холодный воздух — резкий, осенний, пахнущий палой листвой и сырым асфальтом. Лето закончилось, сентябрь уже не так часто радовал тёплыми денёчками, и небо над городом было низким, серым, затянутым облаками, которые висели так тяжело, что казалось, вот-вот опустятся на крыши.

До супермаркета десять минут ходьбы. Кира прошла по пешеходной дорожке, остановившись на пешеходном переходе, ожидая зелёного сигнала светофора. Машины проносились мимо — одна, вторая, третья, — и каждая из них поднимала ветер, который трепал полы её

куртки и холодил шею. Проезжавший мимо тонированный джип резко затормозил перед ней — визг шин разорвал осеннюю тишину, и от этого звука Кира вздрогнула, потому что уже слышала такой — на трассе, в ту ночь, когда всё началось. Из авто выскочили два здоровых бритоголовых мужчины — высокие, широкие, с движениями, в которых не было ни спешки, ни сомнения, а только та отработанная, профессиональная уверенность, которая бывает у людей, для которых чужая воля — это вещь, которую можно скрутить, как верёвку. По-хозяйски скрутили Киру и затолкали в машину, на заднее сиденье, и её куртка зацепилась за дверной порог, а сумка выпала из руки и осталась лежать на асфальте — маленькая, зелёная, нелепая, как осенний лист, сорванный ветром. Сели сами, и авто с визгом шин тронулось с места, и город за окном поплыл, замелькал — витрины, фонари, прохожие, — всё это стало нереальным, декоративным, как будто её вырвали из одного мира и бросили в другой, где правил не было.

— Что происходит! Выпустите меня! — начала брыкаться девушка, и её голос звучал гулко, отчаянно, как крик, который nobody не слышит, потому что стены машины толстые, а улица далеко.

Мужчины умело связали ей руки и ноги — верёвка впилась в кожу, жёсткая, немилосердная, как чужие пальцы, которые знают своё дело, — и натянули на голову чёрный непроницаемый мешок, и мир исчез — резко, полностью, как экран телевизора, который выключили в середине фильма. Темнота сомкнулась вокруг, плотная, удушающая, пахнущая тканью и чужим потом, и в этой темноте осталось только одно: звук собственного дыхания — быстрый, рваный, испуганный, — и ощущение, что машина несётся куда-то, куда она не выбирает, и не знает, вернётся ли оттуда.

ГЛАВА 6

Евгений.

Проснувшись рано утром, Евгений взглянул на девушку. Кира мирно спала на своей половине, свернувшись калачиком — маленькая, тёплая, с подвернутой под щёку ладонью, и в этой позе было столько беззащитности, что Женя почувствовал, как что-то в груди сжалось — не от боли, не от страха, а от чего-то другого, чему он давно забыл название и которое не имел права чувствовать. Он погладил её по волосам — нежно и осторожно, чтоб не разбудить, — и пряди, скользнувшие между пальцами, были мягкими, тёплыми, пахнущие чем-то цветочным и чистым, и от этого запаха, от этого прикосновения внутри поднялось что-то тёплое, незваное, как весенняя трава, которая пробивается сквозь асфальт, не спрашивая разрешения.

Парень ловил себя на мысли, что испытывает к ней чувства, которых не должен испытывать. С его родом занятий нельзя иметь дорогих сердцу людей — это правило знали все, кто жил по ту сторону закона, и не потому, что оно было написано где-то, а потому, что доказывалось снова и снова: каждый, кто позволял себе привязанность, рано или поздно становился свидетелем того, как эту привязанность использовали против него. Если он хочет для неё лучшего, он должен отпустить её. Уйти и никогда больше не возвращаться. Как бы ни хотелось обратного. Кира слишком молода, у неё впереди счастливое будущее, но без Жени. А с его жизнью уже давно всё ясно — линия проведена, и она ведёт в одну точку, и в этой точке нет ни sunrise, ни весны, ни девушки, свернувшейся калачиком на своей половине кровати. Ещё лет пять, максимум десять — и его пристрелят или посадят на пожизненное. Свой выбор он сделал уже давно и не вправе мешать Кире сделать свой.

Уйдя в первый раз, Евгений поступил правильно — ему не следовало возвращаться. Он бы не сделал этого, не будь серьёзно ранен. Хотя его и тянуло вернуться, Женя сдерживал порывы — неделями, ночами, каждым мгновением, когда закрывал глаза и видел её лицо, склонённое над ним, серьёзное, сосредоточенное, с каплями пота на лбу и кровью на руках. Получив ранения, решил прийти и в последний раз взглянуть на девушку, убедиться, что с

ней всё хорошо, что у неё нет проблем с законом по его вине. Она его подлатает, а он впитает в себя все черты лица Киры, чтоб вспоминать темными гнетущими ночами девушку-ангела, что встретилась на его никчемном, кровавом пути. Чтоб вспоминать то малое хорошее, что подарила ему судьба — не щедро, не надолго, а так, между прочим, как дарят конфету ребёнку, не зная, что он запомнит её на всю жизнь.

Тихо поднялся и осторожно выглянул за дверь. В гостиной спал парень, которого позвала Кира, — sprawled на диване, с раскинутыми в стороны руками, и даже во сне он выглядел так, будто готов вскочить и броситься на защиту в любой момент. Евгений остановился, изучая его. Когда приходила полиция, он осторожно выглядывал, вопреки запрета девушки, — тихо, на миллиметр приоткрыв дверь, и в эту щель видел всё: как парень стоял полностью голый, пытаясь защитить Киру, как она прижималась к нему, как пряталась за его спиной, как его кожа — тёплая, живая — была тем щитом, за которым она чувствовала себя в безопасности. От этого Женю с головой затапливала ревность — тёмная, удушающая, как волна, которая накрывает с головой и не даёт дышать. Хотелось сейчас же разнести ему голову — одним движением, одним ударом, и неважно, что парень ни в чём не виноват, что он просто друг, что он просто был рядом, когда Жени не было. Ревность не спрашивает логики, она приходит, как пожар, и выжирает всё на своём пути.

Но мозгами он понимал, что этот парень подходит ей — нормальный, не вооружённый, не разыскиваемый, с паспортом, который можно показать полицейскому без дрожи, с жизнью, в которой нет трупов и перестрелок. И может, глубоко внутри, где-то под слоями злости и ревности, он был бы рад за девушку. Странным казалось только одно: Кира не осталась спать с ним, а пришла в свою комнату, к нему, к раненому, к тому, от которого должна была бежать, — и этот факт грел сильнее, чем одеяло, сильнее, чем бульон, который она кормила его с ложечки.

Переборов желание убить парня — и это было одно из самых трудных преодолений в его жизни, потому что ревность не отступала, а лишь затаилась, как зверь, который ждёт удобного момента, — прошёл в коридор. Обулся — медленно, морщась от боли в боку, где швы ещё не затянулись, — и ушёл, захлопнув за собой дверь, и этот щелчок замка прозвучал как точка в конце предложения, которое он не успел ей сказать.

У Евгения оставалось ещё одно дело. Днём, улучив момент, пока Кира кормила его бульоном, он полазил в её телефоне и нашёл интересное сообщение: «твоя просьба выполнена, №4523, 8514». Поразмыслив, стал через социальную сеть искать номер. Оказалось, это ячейка в камере хранения на вокзале. Евгений собрался положить туда товар с последнего дела — то, ради чего было убито и ранено, то, из-за чего его теперь искали с двух сторон, как зверя, который бежит по узкому коридору, а с обоих концов —##.

Его вычислили и упорно стремились уничтожить. Человек, на которого работал Женя, — Рудковский Ростислав Анатольевич — не был заинтересован в сохранности его жизни. Рудковского интересовал только товар, и в этой заинтересованности не было ни капли человеческого, только коммерческий расчёт, холодный и безжалостный, как калькулятор, который не знает жалости. Добывая который, Евгений отрабатывал помощь Ростислава Анатольевича. Ведь тот пять лет назад помог избежать тюрьмы и помог зачистить архивы — вычеркнул его из баз, стёр его лицо из всех систем, превратил в тень, у которой есть имя, но нет фотографии. Он один из немногих, кто знал Женю в лицо, и в этом знании была власть — та самая, которая делает одного человека хозяином, а другого — инструментом. Остальные же знали только имя и фамилию, которые были не редкими и ничего не значили без лица.

Евгений решил спрятать товар, чтоб не достался никому, и залечь на дно, пока всё не утихнет. Снял квартиру на окраине города — маленькую, серую, с окнами, выходящими на заводскую окраину, где воздух пах металлом и ржавчиной, а по утрам, если приглядеться, на подоконнике можно было различить тонкий слой пыли, принесённой ветром с ближайшей стройки. Залечивал раны — швы затягивались медленно, как будто тело, уставшее от беско-

нечных повреждений, решило, что на этот раз можно не торопиться. И через осведомителей узнавал, чем заняты два главаря группировок, враждующих между собой, которые прикрываются легальным бизнесом, как прикрываются бронёй — надевают её поверх того, что внутри, и делают вид, что она — это и есть они.

У Рудковского — сеть гостиниц по городу: одинаковые, безликие, с одинаковыми лобби и одинаковыми улыбками на лицах персонала, за которыми скрываются одинаковые счета и одинаковые схемы отмывания. У Гончарова Тимофея Викторовича — сеть заправок и ресторанов. Денег у него больше, и Ростиславу это крайне не нравится — не потому, что завидует, а потому, что деньги — это власть, а чужая власть — это угроза. С помощью Евгения уводит товар, чтоб поиметь больше денег, и в этом воровстве нет ни чести, ни принципа — только жадность, голая и бесстыдная, как ободранное дерево.

Рудковский поднялся ещё в девяностых — из той грязи, из того хаоса, когда законы не писались, а диктовались, и кто сильнее, тот и прав, — так и продолжая держаться в одной паре. Бизнес развить не получается — мешает мышление, которое застряло в прошлом, где все вопросы решались кулаком, а не договором, — поэтому занимается больше нелегальным. Гончаров же наоборот — появился внезапно, лет десять назад, ему тогда было всего двадцать четыре. За ним стояли влиятельные люди из Москвы — те, кто не выходит на улицу, кто не держит пистолет, кто держит телефоны и ручки, и решает судьбы в тишине кабинетов, где пахнет кожей и дорогим табаком. Начинал с нелегального бизнеса, но постепенно стал сводить его к минимуму и больше развивать легальный — и в этом была его сила: он не прятался от закона, он покупал его, понемногу, по частям, как покупают землю — медленно, терпеливо, зная, что через десять лет она будет стоить в десять раз дороже.

Осведомители донесли, что Тимофей из-подполья разыскивает Евгения, чтобы поквитаться — и в этом «поквитаться» звучало не желание разобраться, а желание уничтожить, медленно, публично, чтобы другие видели и боялись. А его работодатель Ростислав Анатольевич что-то затевал. Он подкупал ментов и выуживал информацию, но какую именно — не ясно. Может, пытался выяснить, жив ли Евгений, — и в этом вопросе звучало не беспокойство, а расчёт: живой инструмент ещё может пригодиться, мёртвый — только убыток.

Проходили дни, раны затягивались — и тело, и душа, если можно назвать душой то, что осталось после пяти лет крови и тьмы. Что делать с людьми, которые поделили между собой город, а теперь пытаются перетянуть главенство каждый на себя? Просто так его из города не выпустят — он слишком много знает, слишком много видел, и для обоих он теперь — улика, которую лучше уничтожить, чем оставить. Единственный вариант — устранить обоих. Это трудная задача, но выполнимая, и в этой трудности есть своя логика: если ты загнан с двух сторон, единственный выход — убрать стены, а не искать между ними щель.

Может, решись он на это, то потом можно уехать за границу. Забрать с собой Киру и начать новую жизнь — там, где его никто не знает, где его лицо не вызывает страха, где его имя не звучит как приговор. За границей у них был бы шанс на совместное будущее — не большой, не гарантированный, но шанс, а шанс — это уже больше, чем то, что у него есть сейчас. Но добиться этого сложно. У Евгения куча врагов, а у девушки вроде появился парень — тот, из гостиной, голый, с раскинутыми руками, который встал между ней и полицией без оружия и без страха. От этого воспоминания ревность снова поднялась вихрем — тёмным, горячим, и он сжал кулаки так, что швы на боку отозвались тупой, тянущей болью, и эта боль отрезвила, как пощёчина.

Зазвонил телефон. Звонил Ростислав. Нехотя ответил на звонок, и в этом «нехотя» было всё: усталость, злость и понимание, что разговор этот не принесёт ничего хорошего.

— Да.

— Куда пропал? Пришлось наводить справки. Думал, тебя грохнули, — в голосе не было ни грамма сочувствия, и в этом отсутствии было сказано больше, чем в любых словах: ты для меня — не человек, ты — функция, и если функция сломалась, её меняют, а не жалеют.

— Я чудом остался жив. Сейчас залечиваю раны. Пришлось залечь на дно.

— Где товар? — перешёл к делу мужчина, и в этом переходе — без «как ты», без «что случилось», сразу «где товар» — была вся его суть: коммерсант, для которого люди — это себестоимость, а товар — это прибыль.

— Товар забрать не удалось, — соврал Женя, и ложь прозвучала ровно, гладко, как монета, которую кладут на стол лицевой стороной вверх. — Меня ждали, — а это уже было чистой правдой, и в этом смешении лжи и правды была вся его защита — говорить достаточно правды, чтобы ложь казалась правдой.

— Очень жаль. Надо встретиться, — тон, с которым были произнесены слова, не предвещал ничего хорошего. Он был ровным, спокойным, но за этим спокойствием чувствовалась сталь — не та, что звенит, а та, что давит.

— Дай мне ещё пару дней прийти в себя, — просил парень, надеясь выиграть время для маневра, и в этом «прося» было что-то унизительное, что-то такое, от чего внутри всё сжималось, потому что он не привык просить, он привык брать. — Сейчас боец из меня никакой.

— Дам тебе два дня. Не объявишься — найду сам, тогда пеняй на себя, — злобно сказал собеседник и бросил трубку, и этот щелчок прозвучал как выстрел — не в тело, а в будущее, которое вдруг сузилось до двух дней.

Евгений прикидывал варианты — раскладывал их в голове, как карты на столе, и каждая комбинация выглядела хуже предыдущей.

От Рудковского надо избавляться. Он многое знает — слишком многое, чтобы оставить его в живых, и слишком мало, чтобы доверять. Только вот Ростислав Анатольевич не дурак и так просто его не достать. Охраны у него больше, чем у президента — крепкие парни в чёрных костюмах, с автоматами под пиджаками и рациями в ушах, которые проверяют каждый куст на территории его особняка, как будто он — не криминальный авторитет, а глава государства, окружённый врагами со всех сторон. Да и дом — крепость: двухметровые стены, видеокамеры, собаки, и всё это — на участке, который просматривается на сотню метров в каждую сторону. Одному штурмовать его особняк — всё равно что надеть жилет смертника и нажать на кнопку. Валить придется с расстояния и вне дома. Подготовиться времени не хватит, и всё равно бессмысленно — Рудковский тёртый калач, прокалённый на огне девяностых, поэтому не передвигается одним маршрутом, меняет машины, меняет время, меняет охрану, и предсказать его — всё равно что предсказать, куда ударит молния.

Можно, конечно, заявиться к нему, согласиться с тем, что завалил операцию. Кланяться, молить о прощении, обещать восполнить убытки сполна. В общем — пустить пыль в глаза, а потом назначить встречу на нейтральной территории и завалить. Но нет никаких гарантий, что удастся выйти из его дома живым. Наверняка Ростислав Анатольевич чувствует, что Евгений готов соскочить, — чутьём, инстинктом, тем самым звериным чутьём, которое позволяет старым волкам выживать, когда молодые гибнут. Вряд ли поверил, что товар упущен — скорее, уже прикидывает, куда Женя его спрятал, и ждёт, когда он сам приведёт его к тайнику.

Данные два дня Евгений провёл в засаде — лежал на крыше заброшенного здания, в трёхстах метрах от особняка Рудковского, с биноклем и термосом чёрного кофе, и наблюдал, как жизнь за двухметровым забком течёт медленно, размеренно, по-хозяйски, как река, которая не торопится, потому что знает, что её никуда не денут. Наблюдая за домом Ростислава Анатольевича, он видел: этот гад словно чуял неладное. Залёг на дно. За эти дни никуда не выезжал — ни днём, ни ночью. Даже на участок не выходил, будто стал исключением из собственного распорядка, из собственной жизни, из всего, что было его привычкой. По периметру дежурило около двадцати охранников — они сменялись каждые два часа, ходили по одному и

тому же маршруту, как механизмы, и в их движениях была та машинная, безупречная монотонность, которая говорит: здесь всё под контролем, а кто не согласен — будет лежать под контролем. Все въезжающие машины тщательно досматривались — багажник, под капотом, под днищем, — и каждый раз Евгений видел, как охранник склоняется, проверяет, выпрямляется, кивает, и только после этого ворота открывались. Комар не пролетит незамеченным. Не из базуки же стрелять в надежде на поражение цели — а жаль, потому что это был бы единственный вариант, который не требовал приближаться.

В окнах Рудковский не мелькнул ни на секунду — ни силуэта, ни тени, ни движения штор. Трусливый старик, который прятался за чужими спинами, как прячутся за стенами крепости, и при этом называл себя хозяином города. Хозяин, который боится выйти в собственный сад, — это уже не хозяин, а пленник, и в этом было что-то горько ироничное.

Единственный раз не досмотрели машину на въезде — прибывшую в обед второго дня. Быстро въехав на территорию, она скрылась на заднем дворе, и в этой скорости — не въехала, а влетела, будто спасалась от погони — было что-то неестественное, тревожное. С одной стороны, это была машина охраны Рудковского — та же марка, тот же цвет, те же номера, — но остальные всегда досматривали, а эту — нет, и это исключение говорило больше, чем любое правило. Всё указывало на то, что старик к чему-то готовится. Так как с появлением этой машины охраны заметно прибавилось — ещё пять человек, ещё две машины, ещё один пост у задних ворот, — и весь этот прирост безопасности выглядел так, словно Рудковский не защищался, а готовился к чему-то, что должно было произойти, и хотел, чтобы к этому моменту он был готов.

Высиживать дальше не было смысла. Евгений отправился на квартиру — шёл переулками, избегая освещённых улиц, двигаясь так, как привык двигаться: тень среди теней, человек без лица среди людей с лицами. Нужно было выспаться, а завтра идти к Ростиславу Анатольевичу и там уже действовать по обстоятельствам. Лечь спать он не мог — мысли не давали, крутились в голове, как шестерёнки в сломанном механизме, и каждая — это вариант, риск, шанс, смерть.

Нагрянуть решил неожиданно — без предупредительного звонка, не давая шанса на выработку плана Рудковскому. Это была единственная карта, которую он мог разыграть: стать тем, кого не ждут, появиться тогда, когда к этому не готовы, и в этом — единственный шанс выйти живым.

Стоя перед двухметровыми воротами, с коваными листьями по периметру — тяжелыми, чёрными, отливающими тусклым блеском в утреннем свете, — нажал на звонок. Звук был тихим, мелодичным, будто не тревожным, а приглашающим, и в этом контрасте — мягкий звон перед тяжёлыми воротами — было что-то издевательское, будто дом говорил: «Я не крепость, я — резиденция», — а кованые листья и автоматы охраны говорили обратное. Дверь открылась, и на Евгения смотрели три охранника с автоматами, готовые в любой момент открыть огонь. Они явно были на взводе — не расслаблены, не вялы, а собраны, напряжены, как пружины, которые сжали, но ещё не отпустили, и в их глазах читалось: «Ты — тот, о ком мы слышали, и мы не знаем, правда ли это, но проверять не хотим».

Много ходило слухов. Евгений выбирался из самых безнадёжных ситуаций — из засад, из окружений, из квартир, которые штурмовали десятки людей, выходил живым, когда все вокруг были мертвы. С одним пистолетом он мог легко справиться с десятью противниками с автоматами — не потому, что был быстрее пуль, а потому, что был хитрее, и в его хитрости не было красоты, а была только эффективность, голая и безжалостная, как скальпель. Его изощрённые пытки не выдерживал даже самый стойкий к боли человек — и в этом слухе, который переходил из уст в уста, из группы в группу, был страх, настоящий, глубокий, тот, который заставляет здоровых мужчин обходить стороной того, о ком говорят шёпотом. Никто не знал,

что из этого правда. Зачастую обходили стороной, не желая проверять на себе правдивость слухов — и в этом отказе от проверки было больше уважения, чем в любом рукопожатии.

С опаской Женю досмотрели — тщательно, по-хозяйски, ощупывая каждый шов, каждый карман, каждый сантиметр тела, — изъяли всё оружие и только тогда повели в дом. Он шёл по длинному коридору, мимо картин в тяжёлых рамах, мимо зеркал, в которых отражались его лицо и лица охранников, и в этих отражениях всё выглядело нереальным, будто он шёл не по дому, а по декорации, которая была построена для пьесы, в которой он не знал свою роль.

— Я уже и не надеялся, что ты появишься, — пытался делать вид, что контролирует ситуацию, Рудковский, но чуть дрогнувший голос выдавал его, и это «дрогнувший» было маленьким, едва заметным, но Женя уловил его, как улавливают ложный нотки в мелодии, которая кажется безупречной. Ростислав сидел в кресле — массивном, тёмном, похожем на трон, — и в его позе была та потёртая, усталая важность, которая бывает у людей, которые слишком долго сидели на одном месте и начали в нём растворяться.

— Я же обещал прийти, как восстановлюсь, — спокойно и без эмоций отозвался Евгений, и в этом спокойствии не было ни покорности, ни вызова — только ровная, отработанная пустота, за которой прятался расчёт. — Надо же обсудить дальнейшие действия. Гончаров вычислил меня и открыл охоту, — стал пускать пыль в глаза он, и каждая пылинка была ложью, но ложью выверенной, рассчитанной, как доза яда, которая убьёт, но не сразу. — Надо менять тактику.

— И что ты предлагаешь? — немного расслабился Ростислав, и в этом расслаблении — едва заметное изменение позы, чуть более глубокий вдох, чуть менее цепкий взгляд — Женя прочитал то, что хотел: он верит. Пока верит. Пока.

— Есть пара вариантов, надо обсуждать.

— Ты же понимаешь, что за твой последний прокол я понёс большие убытки, — Рудковский присел на красный кожаный диван — старый, продавленный, хрустнувший под его весом, как старые кости, — жестом приглашая Женю, параллельно наливая коньяк в два стакана, стоящие на стеклянном журнальном столике. Коньяк был тёмно-янтарным, густым, и в свете окна он блестел, как жидкое золото, и от него пахло чем-то тёплым, дубовым, старым — тем, чем пахнет в домах, где принято решать судьбы. — За это ты должен всё вернуть в двойном размере.

— Я всё понимаю и готов работать. Всё верну за полгода, — сумма была внушительной, даже чересчур, и от одного её произнесения в воздухе повисла тяжесть, как от гири, которую положили на чашу весов и ждут, на какую сторону она качнёт.

— Полгода — слишком большой срок. За это время всякое может произойти. Пару недель меня устроило бы больше.

«Вот сука», — подумал парень, и в этом «сука» было всё: злость, уважение и понимание, что Рудковский не просто давит, а загоняет в угол, сжимает кольцо, и в этом кольце нет выхода — только два варианта: согласиться и погибнуть или отказать и погибнуть быстрее.

— Я, конечно, постараюсь, но может, дашь хотя бы месяц. Сумма приличная.

— Ну ладно, будь по-твоему, — уж как-то быстро согласился Ростислав Анатольевич, и в этой быстроте, в этом «ладно», которое упало, как спелый плод, было что-то неправильное, что-то такое, от чего внутри заговорило то самое звериное чутьё, которое не раз спасало ему жизнь. Слишком легко. Слишком просто. Слишком быстро. — Буду ждать вестей, — жестом показал, что разговор окончен, и в этом жесте — ленивый, небрежный, как взмах руки, которым отгоняют муху — было столько презрения, что стало ясно: он уже всё решил.

Евгений поднялся с дивана и направился к выходу, и каждый его шаг по ковру звучал гулко, тяжело, как шаги человека, который идёт по тонкому льду и знает, что лёд вот-вот треснет.

— А знаешь? — послышалось за спиной, и парень обернул — медленно, потому что тело уже знало, что сейчас произойдёт, раньше, чем разум успел это осознать. — Я передумал.

В этот момент в висок прилетело прикладом автомата — резко, точно, без предупреждения, и удар был не таким, каким его показывают в фильмах, — не красивым, не театральным, а настоящим: тяжёлым, мокрым, оглушающим, как удар кувалды, от которого мир раскололся на осколки — яркие, острые, беспорядочные, — и каждый осколок отражал свой кусок реальности: красный диван, стеклянный стол, лицо Рудковского с тонкой, довольной улыбкой, коньяк в стакане, который так и не был выпит. Перед глазами всё поплыло, тени слились в одно тёмное, пульсирующее пятно, и Женя провалился в темноту — глубоко, беззвучно, как камень, который падает в чёрную воду и не оставляет за собой ни кругов, ни всплеска.

ГЛАВА 7

Кира.

Машина долго ехала, петляя по тёмным улицам, будто нарочно растягивая путь, чтобы страх успел въесться в кости, стать частью дыхания. Девушку съедал дикий страх, горький и тяжёлый, как свинец, оседающий в груди. В тот момент вторжение полиции в её дом казалось невинной детской игрой — там хотя бы были форма, удостоверения, видимость закона. Здесь же не было ничего, кроме грубой силы и тишины, в которой слышался только гул мотора и её собственное прерывистое дыхание. Внутреннее чутьё подсказывало, что эти ребята шутить не будут, и спектакли, как перед майором, здесь не помогут — тут не нужны слова, тут нужна покорность, а её у Киры не было. Она перебирала в памяти, кому ещё могла перейти дорогу, но в голову ничего не приходило — только обрывки воспоминаний, пустые лица, случайные встречи, которые теперь казались зловещими предзнаменованиями, а на деле были просто тенями, скользнувшими мимо.

Когда машина всё же остановилась, её рывком вытащили и поволокли по лестнице вниз. Пахло сыростью и веяло холодом — этот запах был особенным, густым, как туман, который оседает на коже и не смывается. Скорее всего, это был подвал — старый, давно не используемый, тот, где стены помнят шаги давно ушедших людей. Ступеньки закончились, Киру продолжали тащить по длинному коридору, и каждый её шаг отдавался эхом, глухим и безжизненным, будто даже звук здесь умирал, не успев родиться. Послышался скрип открывающейся тяжёлой железной двери — звук был таким, каким бывает скрип старых ворот в заброшенном доме: протяжным, жалобным, будто металл протестовал против того, что его снова потревожили. Не церемонясь, девушку силой втолкнули в помещение, одновременно сорвав с головы мешок.

Руки были связаны за спиной, она пролетела несколько метров и рухнула лицом в грязный бетонный пол. Удар отозвался во всём теле — резким, звенящим толчком, который прошёл от макушки до пяток. Ударившись головой, она потеряла сознание, и мир на мгновение погас, как гаснет лампочка, когда щёлкает выключатель.

Придя в себя, она не спешила открывать глаза, прислушиваясь к происходящему. Было тихо — не та тишина, которая бывает в пустой комнате, а тяжёлая, давящая, словно воздух здесь был гуще, плотнее, чем снаружи, и каждое движение давалось с трудом. Открыла глаза и огляделась. Тёмная, холодная, сырая комната с одним маленьким окном под потолком, на одной из стен — оно было таким крошечным, что через него едва проникал свет, и тот был не живым, солнечным, а тусклым, серым, будто небо за ним было затянуто свинцовыми тучами. Дверь была плотно закрыта, и в этой замкнутости чувствовалась окончательность, как в захлопнувшемся гробу.

Кира поднялась и прошлась по комнате — шаги звучали глухо, безжизненно, и от этого становилось ещё страшнее. До окна не дотянуться — оно висело высоко, как насмешка, как напоминание о свободе, до которой не добраться. Дверь, естественно, закрыта с той стороны, и

за ней, наверное, стоял кто-то, кто слушал каждый её вздох. Помещение было около двадцати квадратных метров, абсолютно пустым — ни стула, ни стола, ни даже куска тряпки, чтобы укрыться. Сырость и холод постепенно пробирались под одежду, проникали под кожу, забирались в кости, и от этого холода хотелось сжаться в комок, спрятаться, исчезнуть. Ожидание и неизвестность сводили с ума — страшнее любой боли была эта пустота, в которой рождались самые жуткие картины. Ещё и голова болела после падения и мешала мыслить здраво — боль была тупой, пульсирующей, как будто кто-то сжимал виски железными пальцами.

Мерила шагами пространство, пыталась понять, чего от неё хотят и что её ждёт. В голову лезли жуткие картинки возможных вариантов развития событий, но они и вполовину не были приближены к реальности того, что её ожидало — реальность всегда страшнее фантазии, потому что она не оставляет места надежде.

Вскоре в комнате зажегся свет — резкий, беспощадный, как вспышка молнии, которая выхватывает из темноты самые страшные детали. Щёлкнул тяжёлый засов снаружи, и дверь открылась. Зашло сразу несколько человек. Двое, кто её схватили на улице, — один был чуть выше другого, оба широкоплечие и плотного телосложения, с лицами, которые будто были высечены из камня: грубые черты, тяжёлые челюсти, глаза, в которых не было ни капли сочувствия. Ещё двое, походившие на первых, только пониже ростом, — такие же безликие, такие же холодные. А впереди всех стоял мужчина в годах — на вид далеко за пятьдесят, в дорогом сером костюме, который, несмотря на свою элегантность, казался здесь неуместным, как цветок на кладбище. Проседь на висках была не признаком мудрости, а знаком прожитых лет, полных жестокости. Небольшая бородка, тоже имевшая седину, походила на козлиную — жёсткую, колючую. Худощавый, с множеством морщин, которые складывались в узор усталости и злобы. Но держался он, как повелитель мира — с той небрежной уверенностью, которая даётся только властью, властью, основанной на страхе.

Неосознанно Кира отступила назад и упёрлась спиной в стену — холодная, шершавая поверхность давала хоть какую-то опору, но не могла защитить.

— Побеседуем? — надменно, хриплым голосом начал мужчина в костюме, и его голос звучал так, будто он уже знал ответ, а весь этот разговор был лишь формальностью, ритуалом, который нужно соблюсти перед тем, как нанести удар.

— О чём? — отозвалась она дрожащим от страха голосом, и дрожь была не от холода, а от понимания, что никакие слова не помогут, что она уже проиграла, ещё до того, как начался этот разговор.

— Скажешь, где товар, и я отпущу тебя, — произнёс он, и в этих словах не было обещания, а была лишь иллюзия выбора.

— Какой товар? — не понимала девушка, и в этом непонимании была её единственная защита — чистая, искренняя растерянность, которая, впрочем, никого не могла обмануть.

— Бриллианты! Где они? — рявкнул он, и звук его голоса ударил по нервам, как хлыст.

— Я не понимаю, — мотала головой Кира в подтверждение своих слов, и каждое движение отзывалось болью, острой и резкой, как укол иглы.

— Значит, не хочешь по-хорошему? — он кивнул головой, и один из мужчин приблизился и кулаком ударил в лицо.

От удара затылком приложилась к стене, а из носа пошла кровь — тёплая, липкая, она текла по губе, капала на воротник, и этот красный цвет казался здесь особенно ярким, неестественно ярким, как пятно краски на сером холсте. Машинально закрыла лицо руками, но это не помогло — боль была не только физической, она проникала глубже, в самое нутро, заставляя сжиматься от ужаса. От боли хлынули слёзы — горячие, солёные, они смешивались с кровью и стекали по щекам, оставляя мокрые дорожки.

— Я правда не знаю, о чём речь, — говорила между всхлипами Кира, и слова давались с трудом, будто язык стал тяжёлым, неповоротливым. — Вы меня с кем-то путаете.

— Да нет. Ты же штопала Остапа? — скорее утверждал, чем спрашивал мужчина, и в его голосе звучало не любопытство, а уверенность, основанная на проверенной информации.

— Я не знаю никакого Остапа, — продолжала она плакать, и слёзы уже не приносили облегчения, а только подчёркивали её беспомощность.

— Евгения Остапенко! — заорал мужчина, и эхо его крика прокатилось по комнате, отразилось от стен и вернулось обратно, усиливая ужас. — Мы проверили твою квартиру. Камней там нет. С собой он носить их не будет, он не дурак. Где они!

— Я не знаю, — прошептала обречённо, понимая, что живой не уйдёт, что каждое её слово только продлевает мучения, не приближая освобождения. — Спросите у него, он ничего мне не отдавал.

— Конечно, спрошу. Хотел пойти лёгким путём, но, похоже, придётся идти трудным и длинным, — с наигранным разочарованием вздыхал этот «король мира», и в этом вздохе звучало почти театральное сожаление, которое только подчёркивало его жестокость.

Тот же мужчина опять подошёл, схватил за плечи и ударил коленом в живот. Согнувшись пополам, девушка упала на колени, издав протяжный стон, который вырвался из груди помимо воли, как крик раненого животного.

— Вы можете меня убить, но мой ответ от этого не изменится! — сквозь слёзы надрывно кричала она, и в этом крике была вся её боль, вся её решимость, хрупкая, но настоящая. — Я правда не знаю, где ваши камни!

Подошли ещё двое, поднимая под руки, первый нанёс ещё один удар в район солнечного сплетения. Дыхание перехватило, мир на мгновение потемнел, и казалось, что он рассыпается на осколки. Снова упасть не давали двое держащих, их хватка была железной, безжалостной. Тот, что бил, схватил Киру за волосы и дёрнул, запрокидывая голову. Злобно, как хищник, глядящий на свою жертву, заглянул в глаза и произнёс:

— Говори правду, — голос был жуткий и устрашающий, низкий, вибрирующий, будто шёл не из горла, а из самой тьмы.

— Я не знаю, — выдавила она сквозь комок, подступивший к горлу от страха, и за это получила оглушающую пощёчину — резкую, хлесткую, от которой в ушах зазвенело, а перед глазами поплыли цветные круги.

А следом — удар по рёбрам, с локтя, когда державшие её отступили. Девушка упала на бок, приложив ладонь к горящей и пульсирующей щеке. Это мало помогало — боль не уходила, она только растекалась, захватывая всё новые участки тела. Обойдя жертву, мужчина пнул по почкам — резкий, точный удар, от которого тело выгнулось дугой, а из груди вырвался стон, похожий на хрип.

Мужчина, допрашивавший её, ушёл с двумя охранниками, остались те, кто её привёз. Один продолжал молча наблюдать — его неподвижность была даже страшнее криков, она говорила о привычности происходящего, о том, что для него это просто работа. Второй кружил вокруг Киры, как коршун, периодически нанося удары куда придётся. Несколько раз ботинок прошёлся по лицу — грубо, без разбора, разбивая губы, повреждая один глаз. Бил по животу, почкам и рёбрам — методично, будто ставил отметки на карте её боли. То ли закончив, то ли потеряв интерес, отошёл в сторону.

Всё тело болело, и всё больше хотелось умереть — не из трусости, а из простого желания прекратить эту муку, эту бесконечную череду ударов, которые превращали её в нечто бесформенное, лишённое воли и надежды. Подошёл второй, что повыше, и поднял её на ноги. Стоять было тяжело, ноги дрожали, подгибались, и она едва держалась. Кира облокотилась на холодную стену — та, в свою очередь, давала поддержку и своим холодом немного облегчала боль, как холодный компресс на горящую рану.

— Ещё не вспомнила? — насмешливо поинтересовался прокуренным голосом, и в этом вопросе звучало не ожидание ответа, а предвкушение новых мучений.

Сил говорить не было. Губы были разбиты, во рту скапливалась кровь, солоноватая, с металлическим привкусом. Один глаз заплыл, и мир сузился до узкой щели, через которую пробивался тусклый свет. Кира отрицательно помотала головой, и это движение отозвалось новой волной боли. За что тут же получила рукояткой пистолета в висок — резкий, тупой удар, от которого перед глазами вспыхнули яркие искры, а потом всё потемнело, и она без сознания упала на пол, как сломанная кукла.

Пришла в себя в кромешной темноте. Скорее всего, была ночь — или просто помещение было настолько изолированным, что время здесь теряло смысл. Всё тело дико болело, нос едва дышал, каждый вдох отзывался болью, острой, колющей, будто лёгкие были покрыты изнутри мелкими осколками. По щекам катились слёзы, но она уже не замечала их — они стали частью боли, её естественным спутником.

«Как он мог меня в такое втянуть?» — по щекам катились слёзы. — «Почему я должна отвечать за чужие поступки? Умереть от пыток за то, что помогла человеку, в глаза не видя никаких камней. Я расплачиваюсь за своё чувство долга и сочувствие к людям. Интересно, если предложить им деньги, что оставил мне Женя, они отпустят меня? Наверное, нет. Что-то подсказывает, что им нужно в сотни раз больше. Даже заикаться не буду. Если всё же выберусь отсюда, то на эти деньги уеду. Если нет, то пусть пропадут вместе со мной».

Кира пребывала в состоянии полудремы — то просыпалась, то вновь впадала в забытье, и эти переходы были похожи на медленное погружение в воду, когда поверхность остаётся где-то наверху, а ты опускаешься всё глубже, и воздух становится всё реже. Снова загорелся свет, и дверь открылась — резкий контраст между тьмой и светом ударил по глазам, заставил зажмуриться. Девушка даже не шевельнулась, надеялась, что посмотрят и уйдут, что на этот раз её оставят в покое. Но такого не произошло. Окатив её с ведра ледяной водой — вода была такой холодной, что казалось, она обжигает, как кислота, — подняли на ноги за воротник куртки, которую вскоре сняли, оставив её в разорванной футболке и джинсах, покрытых пятнами грязи и крови.

— Подумала, где могут быть камни? — всё тот же надменный голос с хрипотцой главаря этой шайки, голос, который уже стал для неё символом боли и ужаса.

— Я не знаю, — прохрипела она, не поднимая головы на собеседника, потому что смотреть на него было невыносимо — его лицо, его поза, его уверенность в своей власти над её жизнью и смертью были страшнее любых ударов.

За свой ответ получила прикладом автомата по рёбрам — резкий, тяжёлый удар, который отозвался внутри глухим треском, будто что-то надломилось. Острая боль подкосила, девушка рухнула на колени, хватаясь рукой за рёбра. Вроде не сломали, но сильный ушиб обеспечен — хотя теперь уже не важно, гематом на её теле предостаточно, они слились в одну сплошную боль, которая не имеет границ.

— Своим молчанием ты делаешь хуже только себе, — отозвался нравоучительно, и в этом нравоучении звучало почти отеческое терпение, которое было ещё страшнее открытой злобы.

— Как вы не понимаете, я бы сказала ещё в самом начале, если бы знала, — почти шёпотом говорила она, не надеясь, что ей поверят, но отчаянно желая этого, цепляясь за малейшую возможность быть услышанной.

Новые удары обрушились на Киру — одиночные, но точные, рассчитанные так, чтобы боль была максимальной, а смерть — отсроченной. От каждого из них перехватывало дыхание, мир сжимался до точки, в которой существовала только боль. И когда казалось, что больнее уже быть не может, каждый следующий приносил её в стократ больше, как волна, которая накрывает с головой и не даёт всплыть. В какой-то момент она потеряла сознание от болевого шока — это было даже облегчением, короткой передышкой в аду. На что, в свою очередь, её снова окатили ледяной водой и, схватив за футболку, стали поднимать. Ноги не слушались, и получалось, что её волоком таскали по кругу — футболка рвалась, джинсы на коленках тоже,

и от этого кожа на коленях обдиралась о бетон, добавляя новые раны к уже существующим. Устав бессмысленно таскать девушку, её бросили и с силой пнули в живот — резкий удар, от которого она отъехала сантиметров на двадцать назад, как брошенная тряпичная кукла.

Её оставили в покое — вопрос, надолго ли? Слёзы катились по лицу бесшумно, смешиваясь с грязью и кровью. Боль не затихала ни на миг, она пульсировала, билась в висках, отдавалась в каждом сантиметре тела. В голове звенело, как будто внутри били в колокол. Страха больше не было — он выгорелся, растворился в боли, оставив только пустоту и холодное, отстранённое понимание неизбежности. Хотелось закрыть глаза и больше не открывать, позволить темноте поглотить себя. Холод пронзал тело, смешиваясь с болью, и без того холодное помещение после ледяной воды казалось ещё холоднее — от этого пробирал озноб, и из рта шёл пар, как дыхание загнанного зверя.

Её не трогали до следующего дня. К тому времени она окончательно замёрзла — будучи мокрой на ледяном полу, казалось, что она не чувствует ни боли, ни холода, что тело отключилось, защищаясь от невыносимого. Очень хотелось спать, но тут открылась дверь, оповещая, что настал третий день пыток. Сквозь пелену перед глазами разглядела мужчину — он держал что-то в руках, предмет был тёмным, прямоугольным, и в нём таилась новая угроза. Подошёл и присел на корточки, протягивая девушке предмет.

— Посмотри небольшой фильм, — он ткнул по экрану, и появилась картинка — тусклая, зернистая, но достаточно чёткая, чтобы узнать происходящее.

Приложив немало усилий, Кире удалось разглядеть происходящее на экране. Евгений стоял на коленях, с голым торсом, руки были привязаны над головой. Его избивали и резали ножом — лезвия мелькали, оставляя на коже тонкие, кровоточащие линии, которые тут же сливались в широкие полосы. Всё тело было покрыто порезами и крупными гематомами, синими, чёрными, фиолетовыми — цветами боли. Ему задавали один и тот же вопрос: «Где камни?» — на что он отвечал: «Я не смог их забрать». Раз за разом, один и тот же вопрос, один и тот же ответ. Между которыми его то били, то резали, иногда даже прижигали сигаретами — короткие, резкие движения, оставляющие на коже маленькие, круглые шрамы. Он не кричал, а лишь изредка тихо постанывал — эти стоны были едва слышными, почти беззвучными, и от этого казались ещё страшнее, потому что говорили о пределе человеческих возможностей. Большую часть пыток он переносил молча — в этом молчании была не покорность, а упрямое сопротивление, отказ дать им то, чего они хотели.

— Ты можешь облегчить и его, и свои пытки. Просто скажи, где камни? — подал голос мужчина, когда видео закончилось, и экран погас, оставив после себя тёмное пятно, в котором всё ещё мерцал силуэт Евгения — коленопреклонённый, окровавленный, с привязанными над головой руками, — и это изображение впечаталось в сетчатку, как выжженная марка, которую не сотрешь.

— Я не знаю, — снова повторила девушка, и в этих трёх словах, которые она произносила уже, казалось, в тысячный раз, не осталось ни мольбы, ни надежды — только голый, измученный факт, который никто не хотел слышать. Она готовилась к новой порции боли — не страхом, а темным, усталым пониманием, что боль придёт, как приходит прилив, и ей, как и прежде, придётся её принять.

Её поставили на колени и прошлись по почкам чем-то тяжёлым — удар был таким, будто внутри что-то лопнуло, и горячая волна прокатилась от поясницы до затылка. Падая вперёд, пыталась удержаться руками, но пальцы скользили по мокрому бетону, и за эту попытку получила ногой по рёбрам — ещё один удар, ещё одна отметка на теле, которое уже давно перестало быть телом и стало картой боли, где каждый синяк — область, каждый порез — граница, и всё это вместе — территория, захваченная чужой жестокостью. Затем опять начались хаотичные удары — они сыпались, как град, неритмичные, беспорядочные, и в этой беспорядочности было что-то особенно изматывающее, потому что невозможно было предугадать, откуда при-

дёт следующий, и тело, напрягаясь в ожидании, не успевало расслабиться, не успевало передохнуть, не успевало привыкнуть.

Кира больше не пыталась прикрываться руками — это было бессмысленно, как пытаться закрыться ладонью от ливня. Лицо было сильно избито: губы разбухли, превратившись в две багровые подушки, левый глаз заплыл полностью, правый едва открывался, и через эту узкую щель мир казался размытым, нереальным, как в тумане. Сквозь запёкшуюся кровь, покрывшую лицо коркой, которая уже начала трескаться, просачивалась свежая — яркая, алая, она текла по подбородку, капала на бетон, и каждая капля звучала в тишине между ударами, как тиканье часов, отмеряющих не время, а оставшуюся жизнь. Нос перестал дышать окончательно — заложенный, разбитый, он превратился в источник тупой, ноющей боли, которая пульсировала в такт сердцу. В лёгких слышались хрипы — влажные, клокочущие, и каждый вдох давался с трудом, будто дышать приходилось не воздухом, а водой. На теле не было живого места — каждый сантиметр кожи был покрыт гематомами, ссадинами, порезами, и всё это слилось в одну сплошную, пульсирующую боль, которая не имела начала и конца, а просто была — как цвет, как температура, как состояние.

Металлический привкус крови во рту смешивался с крупинками грязи, и этот вкус — солоноватый, железный, землистый — стал вкусом её нынешнего существования. Вокруг пахло сыростью и кровью, и этот запах был таким густым, таким плотным, что казалось, его можно потрогать, как стену. Глаза уже почти не открывались, а через небольшие щёлки видно только расплывчатые силуэты — тёмные, бесформенные, они двигались вокруг неё, как тени в тумане, и уже невозможно было различить, кто из них кто, кто бил, кто стоял, кто смотрел. Простонав что-то невнятное — даже не слова, а просто звук, который вырвался из груди, как последний выдох, — получила порцию ледяной воды, и холод ударил по избитому телу, как вторая пытка, и от этого контраста — боль снаружи и холод сверху — мышцы свело судорогой.

В мозгу что-то перемкнуло — щёлкнуло, как переключатель, который соскочил с позиции «терпи» на позицию «бей». Хотелось ударить в ответ, и это желание было таким неожиданным, таким яростным, что оно прорвалось сквозь усталость и боль, как росток сквозь асфальт. Кира стала подниматься на ноги — медленно, трясясь, сжимая кулаки, которые уже не могли сжаться как следует, но всё же сжались, и в этом движении, в этом подъёме было столько слепого, отчаянного бунта, что удары на мгновение прекратились — не от страха, а от удивления, потому что избитое, сломленное существо вдруг поднялось, и в этом было что-то такое, чего они не ожидали.

А секунд через десять получила рукоятью пистолета в висок — удар был точным, расчётливым, как выключатель, который нажимают, чтобы погасить свет. Голова закружилась, голоса стихли, мир накренился и поплыл, как картина, с которой стекает краска. Слышался лишь неясный гул — низкий, монотонный, как гудение трансформатора, и в этом гуле утонули все звуки: шаги, дыхание, голоса. Оставаясь в сознании — и это было хуже, чем потерять его, потому что сознание означало присутствие, а присутствие означало чувствовать, — она совсем не понимала почему. Практически не осознавая, что происходит вокруг, как будто мозг, перегруженный болью, начал отключать всё лишнее: сначала смысл, потом память, потом время, оставив толькоraw sensation — чистое, нерасфильтрованное ощущение, которое нельзя ни описать, ни забыть. Но побоев больше не было, и в этом перерыве, в этой паузе, было что-то страшнее ударов — неизвестность: почему остановились? что будет дальше? что они готовят?

Гул в ушах не проходил, в глазах стояла непроходимая пелена, но большую часть обзора закрывала опухшая кожа вокруг глаз — раздувшаяся, багровая, она превратила мир в узкую, мутную полоску, в которой двигались тёмные пятна, и уже невозможно было понять, то ли это люди, то ли тени, то ли пятна на самой сетчатке.

Спустя приличное количество времени — которое она не могла измерить, потому что время здесь не существовало, оно слилось в один длинный, бесконечный момент, — почув-

ствовала, как с неё стаскивают джинсы. Резко, без лишних церемоний, и ткань, already пропитанная кровью и грязью, сползала с ног, обнажая кожу, покрытую синяками и ссадинами, и от этого прикосновения — грубого, чужого, хозяйского — внутри что-то оборвалось, не физически, а глубже, там, где живёт не тело, а то, что делает тебя человеком. Вроде кто-то что-то говорил — голоса звучали гулко, невнятно, как сквозь воду, — но разобрать было сложно, или ей просто казалось, потому что сознание уже не справлялось, оно цеплялось за реальность из последних сил, как утопающий цепляется за обломок доски.

Лёжа в трусиках и лохмотьях, оставшихся от футболки, — ткань была разорвана, и через прорехи виднелась кожа, покрытая грязью и запёкшейся кровью, — какое-то время Киру никто не трогал. Может, выбирали, кто это будет, или делать ли это вообще, и в этом ожидании, в этой паузе, было столько ужаса, что само ожидание стало пыткой — худшей, чем удары, потому что удары хотя бы были известны, а тут — неизвестность, и в ней угадывалось то, что было страшнее боли.

Почувствовала прикосновения к бёдрам — и они показались ласковыми и нежными вначале, и в этом было столько извращённого контраста, что от него стало тошно сильнее, чем от всех ударов вместе взятых, потому что нежность здесь, в этом подвале, на этом бетоне, в этой крови, была не нежностью, а предисловием к чему-то такому, перед чем даже боль отступала. Резкая, жгучая боль резанула промежность, и тело дёрнулось — инстинктивно, рефлекторно, как дёргается живая рыба на крючке, — но руки на бёдрах сжались сильнее, удерживая, прижимая, лишая последней возможности двигаться. Толчки становились грубее и глубже, каждый из них был ударом — не по телу, а по чему-то более глубокому, по тому, что нельзя ударить, но можно сломать. Руки до боли стискивали грудь, временами переходя на поглаживания, и эти поглаживания были страшнее сжатия, потому что в них была насмешка, издёвка, пародия на близость, которая делала происходящее ещё более невыносимым. Вскоре поглаживания отзывались новой сдавленной болью — не физической, а той, которая живёт в самом центре, там, где человек чувствует себя человеком, и которая говорила: тебя не просто ломают, тебя уничтожают, и после этого нечего будет собирать.

Гул в ушах не проходил, пелена в глазах стала плотнее, и разглядеть человека, насилующего её, не представлялось возможным — он был лишь силуэтом, тёмным пятном, движущимся над ней, и в этой анонимности было своё издевательство: она не видела лица того, кто её ломает, а значит, не могла даже ненавидеть его по-настоящему, только — бесформенно, безадресно, как ненавидят болезнь. Смиряясь с неизбежным, даже не пыталась сопротивляться — не от слабости, а от понимания, что сопротивление только продлит это, только сделает хуже, и единственное, что оставалось — это перетерпеть, пережить, пережечь, как пережигают металл, чтобы он стал твёрже.

Слёзы крупными каплями стекали и бесшумно капали на бетон, перемешиваясь с кровью и грязью, и в этих слезах не было жалости к себе — только тихое, безмолвное прощание с собой той, которая была до этого подвала, до этих рук, до этой боли. Та Кира — врач, хирург, человек, который спасал жизни, — умирала на этом бетонном полу, а та, что останется, если останется, будет другой, и это «другой» пугало больше, чем боль.

Когда всё закончилось, между ног всё горело — не жаром, а холодным, тупым огнём, который не давал забыть, не давал отключиться, не давал провалиться в темноту, которая была бы милосердием. Гул стал разделяться на несколько голосов, но смысл не улавливался — слова долетали обрывками, бессмысленными звуками, как чужая речь, которую слышишь во сне. Вскоре раздалось громкое, противное ржание — хриплый, лающий смех, от которого по коже пробежал мороз, потому что в этом смехе была не радость, а презрение, и оно было worse ударов, хуже боли, хуже всего, потому что говорило: ты для нас — не человек, ты — вещь, с которой можно делать что угодно, и никто не спросит.

И громкий хлопок — резкий, сухой, как щелчок кнута, — отозвался несравнимой ни с чем раньше болью в груди. Не физической — или уже не только физической, — а той, которая бывает, когда внутри ломается что-то последнее, что держало тебя целым, и ты рассыпаешься, и нет сил собраться, и нет смысла, и нет надежды, и нет ничего, кроме тьмы, которая поднимается снизу, как вода, заполняющая трюм тонущего корабля.

«Ну, вот и всё, конец», — осознала Кира, и в этом осознании не было страха — только усталость, бесконечная, всеобъемлющая, как океан, и тихое, почти мирное смирение, которое приходит в самый последний момент, когда бороться больше нечего и не за что. Она не закрывала глаза — они закрылись сами, как закрываются двери, за которыми уже никого нет, — прежде чем её накрыла всепоглощающая тьма забвения — густая, бездонная, абсолютная, тьма, которая была не концом, а антрактом, потому что история ещё не была закончена, но Кира этого уже не знала.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.